

⟨№ 5. — Май 1859 года.⟩

Австрийский ультиматум. — Нелепость австрийских действий в Сардинии. — Состоит ли цель войны в освобождении Италии? — Положение дел в Италии около 13 мая нового стиля. — Выборы в Англии.

Обзор наш в апрельской книжке был писан в то время, когда только что были получены первые известия о согласии французского и австрийского правительств на составление конгресса по итальянскому вопросу. Радость, произведенная этою неожиданною новостью в людях, понимавших всю вредность угрожавшей тогда войны, была так велика, что заставила их на несколько дней забыть о несовместимости истинных причин войны с каким бы то ни было разрешением вопроса мирными путями; в том, что конгресс соберется, никто не сомневался, и почти все были увлечены надеждою на то, что результатом конгресса будет мир. Против этого увлечения мы говорили довольно подробно, доказывая, что как бы ни велись и о чем бы ни велись совещания конгресса, он никак не может уменьшить неизбежность войны и может разве только послужить средством оттянуть объявление войны месяца на два или на три, пока Франция кончит свои приготовления к войне.

Если бы статья наша составлялась днями пятью позже, нам не было бы нужды много говорить в подтверждение нашей мысли о бессилии конгресса: в газетах уже явились положительные факты, показывавшие, что конгресс действительно служит для Франции только средством выиграть несколько времени; еще два или три дня, — и можно уже было довольно верно предсказывать, что конгресс не только не решит вопроса, но и вовсе не соберется. Около 7 апреля нового стиля все рассудительные люди уже замечали это по характеру, в каком велись переговоры о составлении конгресса. Видно было, что одна из враждующих сторон хорошо поняла намерения другой и требует перед созванием конгресса таких гарантий миролюбия, дать которых никак не могла другая сторона. Мы не будем следить за всеми подробностями переговоров о конгрессе, — эта история теперь уже уста-

рела, да и в свое время не имела дельного значения, как мы тогда же доказывали; упомянем только для связи событий о последнем фазисе переговоров, из которого непосредственно вышло объявление войны со стороны Австрии. После множества разных споров о разных предварительных условиях для созвания конгресса Австрия, наконец, предложила, чтобы еще до созвания конгресса была обезоружена Сардиния, потому что иначе гром оружия мог бы ежеминутно прервать совещания конгресса, говорила она. Это предложение, присланное в Лондон для сообщения другим державам, Англия немедленно объявила справедливым по намерению, но не деликатным по исключительной форме: было бы обидно для Пьемонта требовать от него, чтобы он один обезоруживался, когда две другие гораздо сильнейшие державы, его соседки, остаются вооруженными, говорила Англия; но действительно, для успеха совещаний конгресса нужно, чтобы их тишина не нарушалась возможностью вооруженных столкновений; потому предварительным условием должно быть обезоружение, но не одного Пьемонта, а всех трех вооружающихся держав, т. е. и Австрии, и Франции. Австрия немедленно отвечала, что она согласна, и есть вероятность думать, что этот новый оборот, приданный Англиею первоначальному предложению Австрии, был сделан сообразно плану, предварительно условленному: предложение обезоружиться являлось из Лондона в Париж с бóльшим весом, нежели какой имело бы, происходя прямо из Вены. Франция отвечала таким способом, который ясно показывал, что в Париже господствует непреклонная решимость воевать: ваше предложение совершенно справедливо, отвечали из Парижа в Лондон, и Франция думает, что те державы, которые вооружились, т. е. Австрия и Сардиния, должны обезоружиться; но ко Франции это требование не применяется, потому что Франция не вооружалась; она только занималась приведением своей армии и флота в комплект по мирному положению. В сущности, этим ответом был решен последующий образ действий Австрии. Но если есть враг слабый, то почему не свалить на него ту вину, которая должна бы относиться к другому врагу, более сильному? Сардиния имела эту привилегию слабых — принимать на себя удары, вызываемые поступками сильных. На первый раз она отвечала, что не хочет обезоруживаться, но немедленно одумалась и послала в Лондон второй ответ, говоривший, что она согласна на обезоружение. Этот второй ответ был уже из Лондона сообщен в Вену, когда там решились послать в Турин знаменитый ультиматум. Повидимому, не было и причины обидным образом предлагать требование обезоружиться державе, уже принявшей принцип обезоружения; но в Вене хотели иметь предлог к объявлению войны и потому просто не приняли в соображение второй ответ Сардинии, т. е. согласие, а основались только на первом ответе, т. е. на отказе. От 19 (7) апреля было из Вены послано прика-

зание Гиулаю переслать к Кавуру письмо Буоля, требовавшее немедленно обезоружения Сардинии, с прибавлением, что Австрия дает трехдневный срок на ответ и что всякий уклончивый ответ примет как необходимость начать военные действия. Этот ультиматум был привезен графу Кавуру бароном Келлербергом в 5¹/₂ часов вечера 23 (11) апреля. Срок ожидания кончился в 5¹/₂ часов вечера 26 (14) апреля. Сардиния отвечала отказом покориться обидному требованию; этот ответ был вручен послу Гиулаю в 5¹/₂ часов, и вечером того же дня австрийцы перешли через Тичино. Война началась.

Дерзкий ультиматум разгневил против Австрии все нейтральные державы и общественное мнение целой Европы. Пруссия, Россия, Англия протестовали против такого крутого образа действий в самых сильных выражениях. Газеты целой Европы разразились негодованием на безрассудную наглость Австрии. Император французов торжествовал: австрийский кабинет не мог сделать ничего более соответствовавшего видам Тюильри. Вся дипломатическая тактика Наполеона стремилась к тому, чтобы выставить перед Европою Австрию зачинщицею войны, и теперь сама Австрия исполнила его желание, даже превзошла его надежды: он надеялся только показать, что был поставлен неуступчивостью Австрии в необходимость начать войну, а теперь сама Австрия начинала ее. Но если Австрия решалась на поступок, так сильно компрометировавший ее в дипломатическом отношении, она имела много причин пренебречь этим невыгодным впечатлением. Ускоряя объявление войны, она могла выиграть довольно много в отношении финансовом и чрезвычайно много в отношении военном. Изложим эти соображения, заставившие ее пожертвовать соблюдением дипломатических форм, которыми она всегда так дорожила.

Первою причиною спешить началом войны было финансовое положение Австрии. Мы излагали в предыдущих обзорах ход итальянского вопроса. Из фактов, всем известных, ясно было, что Франция во что бы то ни стало решилась найти предлог к войне с Австриею, и никакие уступки не могли избавить Австрию от войны, очевидно необходимой для Наполеона III. В половине апреля (нового стиля) Австрия совершенно кончила свои вооружения и промедление уже не могло усилить ни числа ее войск, ни ее крепостей: то и другое было доведено до полной силы, какая только возможна. Между тем содержание армии, вполне приведенной на военную ногу и уже занявшей все позиции, требуемые войною, ежедневно стоило Австрии полумиллиона гульденов (около 2¹/₂ миллионов руб. сер. в неделю). Денежные запасы казны подходили к концу. По самым благоприятным расчетам представляется, что около 15 апреля Австрия имела обыкновенных финансовых средств уже не более как только на содержание своей армии в течение 45 дней. Объявление войны открывало ей

путь изворотиться в этой финансовой крайности средствами невозможными в мирное время. Двигая свою армию в Пьемонт, она сваливала с себя на сардинские земли бремя ее продовольствия. Кроме того, она получала предлог прибегнуть к насильственным мерам в собственных финансовых делах. Мы видели, что обыкновенные займы совершенно ей не удавались. Объявление войны немедленно сопровождалось наложением на венский банк насильственного займа в 200.000.000 гульденов (125 миллионов руб. сер.), достаточного по австрийскому расчету на покрытие издержек первой кампании.

Еще гораздо важнее были военные выгоды, приобретаемые немедленным объявлением войны. Франция желала еще месяца два продлить переговоры, потому что ее вооружения далеко не были кончены. С половины апреля каждый потерянный день приближал ту минуту, когда неприятель может явиться на войну с полною готовностью. Что будет, должны были рассуждать австрийские министры, если мы не разорвем переговоров? Франция дотянет время до конца мая или начала июня, успеет спокойно ввести в Сардинию свои войска, приготовленные к битве, устроит операционную линию близ ломбардской границы и, объявив войну, в два дня займет Милан превосходными силами. Чтобы предупредить это, надобно воспользоваться временем, когда мы совершенно готовы, а Франция еще не готова к начатию военных действий, пока ее войск нет еще в Сардинии. Имея пред собой только сардинцев, австрийцы могли быстро двигаться вперед и в пять или шесть дней похода занять такие позиции, которыми почти отнималась у французов возможность помочь сардинцам. Сардинская армия одна была бы совершенно смята австрийцами. Ей оставалось бы или запереться в Алессандрии, или даже отступить в Геную. Блокировав Алессандрию, австрийцы могли легко занять все горные проходы из генуэзского побережья в пьемонтскую долину. Пусть тогда прибывало бы сколько угодно французских войск в Геную: австрийцам было бы легко остановить их в альпийских ущельях. Заперев сардинцев в Алессандрии или отбросив их в Геную и заняв горные проходы левым крылом своей армии, правым крылом австрийцы через два или три дня занимали бы Турин и Сузу и овладевали бы путем из Франции в Сардинию через Мон-Сени и другими проходами через Савойские Альпы. Сеть сардинских железных дорог была бы в их руках; они имели бы в своих руках все дефиле, через которые должны проходить в Италию французские войска; почти без всяких усилий и решительно без всякого риска они могли в одну неделю овладеть почти всем Пьемонтом, уничтожить или запереть сардинскую армию и, сокрушив одного врага, имели бы на руках только одних французов, которым едва ли было бы возможно проникнуть в Пьемонт, без страшных жертвований, через Савойские и Генуэзские Альпы, захваченные австрийцами.

Эти чрезвычайные выгоды решительно перевешивали собою то неудобство, что нападением на Пьемонт Австрия выставляла себя как зачинщицу войны. Успех кампании сто́ит того, чтобы перенести несколько дипломатических протестаций. И притом раздражение нейтральных держав было только формальностью. Англия и Пруссия все-таки хорошо знали, что Австрия не сама начинает войну, а вынуждена к ней Франциею. Удовлетворив дипломатическому приличию протестом, эти державы не замедлили бы высказать свое прежнее расположение в пользу Австрии и объявили бы, что хотя Австрия неправа по форме, но права по сущности дела.

Таким образом, когда прошла первая минута недоумения, возбужденная австрийским ультиматумом, нейтральная Европа согласилась, что видимая дерзость была в сущности следствием очень верного и рассудительного соображения. Но если Австрия действовала совершенно согласно с своими выгодами, решившись разорвать переговоры, то ее дальнейшие действия показали, что она решительно не умела поступать сообразно условиям того положения, стать в которое решилась. Мы видели, на чем был основан весь план, от чего зависел весь успех. Основанием всему служил тот факт, что около 20 апреля не было еще ни одного французского солдата в Сардинии. Целью всего дела было то, чтобы кончить кампанию, прежде чем французы присоединятся к сардинцам: первейшим условием успеха в этом была всевозможная быстрота. Что же мы видим? Война решена апреля 19-го, военные действия едва начинаются 29-го. Милан соединен с Веною электрическим телеграфом; и так ультиматум мог быть получен Гиулаем через четверть часа после того, как был составлен в Вене. Турин соединен с Миланом железною дорогою, кроме одного небольшого перерыва около границ, верст в пятнадцать, и посланный Гиулая мог быть в Турине через четыре часа. Трех или четырех часов очень достаточно, чтобы король мог созвать министров и сказать «да» или «нет» на сообщенное ему требование. Еще четыре часа на возвратный путь, и если ультиматум был отправлен из Вены 19 апреля в 5 часов вечера, австрийские войска могли перейти через Тичино 20 числа в 6 или 7 часов утра и 25 числа кончить дело с сардинскою армиею, а 26 уже занимать проходы из Савойских Альп в Пьемонт. Но австрийцы, отступив от дипломатических форм своею решимостью послать ультиматум, не могли, кажется, решиться на отступление от канцелярского порядка в своих внутренних распоряжениях. Им казалось необходимо, чтобы приказание об ультиматуме было доставлено Гиулаю не телеграфическою депешею, а каким-нибудь курьером, и благодаря этой церемонности австрийского кабинета в сношениях с своим главнокомандующим, посланный Гиулая явился в Турин только 23 числа, т. е. ровно четырьмя сутками позже того, как следовало бы ему явиться. По причинам решительно непо-

нятым вместо трех часов дан был сардинцам срок для ответа в целых трое суток, — и вот уже была потеряна целая неделя, и, благодаря австрийскому канцелярскому порядку, французы успели явиться в Генуе и в Сузе в ту самую минуту, как австрийцы только еще собирались переходить через Тичино. Но австрийцам, вероятно, казалось, что еще мало времени потеряно ими: они отыскивали причину потерять еще трое суток. Англия предложила возобновить при ее посредничестве переговоры с Франциею на тех основаниях, на которых велись они через лорда Каули еще до принятия русского предложения о конгрессе. Австрия согласилась отложить движение своей армии через Тичино, пока Англия получит ответ от императора французов на это предложение. Такая отсрочка решительно непостижима. Ультиматум был послан, конечно, только потому, что Австрия совершенно убедилась в бесполезности переговоров, в том, что они только служат для Франции средством выиграть время, пока французские вооружения будут совершенно кончены. После этого совершенной нелепостью представляется промедление, принятое Австриею. Наполеон отвечал, что согласен возобновить переговоры только на том условии, если Англия совершенно ручается за их удачу и готова объявить войну Австрии, когда Австрия не успеет помириться с Франциею. Само собою разумеется, Австрия не могла принять переговоров, единственным результатом которых была бы ссора ее с Англиею, и, получив известие об условиях, предлагаемых Франциею, отказалась от посредничества. Тогда, вечером 29 апреля, двинулась через Тичино вся австрийская армия, которая до той поры оставалась на ломбардском берегу, послав только несколько слабых отрядов в Сардинию. Наполеону было теперь очень легко предлагать для переговоров невозможные условия: десятидневная отсрочка, данная ему австрийскою медленностью, была достаточна для введения в Сардинию такого числа войск, чтобы не нуждаться в дальнейших отсрочках для открытия кампании. Французы и сардинцы превосходно воспользовались временем, которое дано было им нелепою медленностью врага.

В тот самый день, как приехал в Турин барон Келлерберг, было созвано чрезвычайное заседание сардинской палаты депутатов, и граф Кавур, изложив состояние дел, потребовал у палаты полномочий королю на время войны. С патриотизмом, который никогда не изменяет никакому парламенту в подобных случаях, палата не стала даже и совещаться о требовании правительства. Немедленно был назначен комитет для составления доклада, через полчаса был готов доклад, и тотчас же, большинством 110 голосов против 24, был принят закон, предложенный Кавуром. По этому закону королю на время войны предоставляется диктаторская власть. В тот же день, 23 (11) апреля, сардинская армия получила распределение, нужное для начала похода. Сам король принял команду над армиею, которая стала

сосредоточиваться между крепостями Казале и Алессандриено, чтобы под их прикрытием ожидать прибытия французов. Австрийцы начали действовать так поздно и потом действовали так вяло, что сардинцы спокойно простояли в своей крепкой позиции, не подвергаясь ровно никаким опасностям, пока через Геную прибыло к ним столько французских войск, что нападение со стороны австрийцев на союзную армию, защищаемую пушками Алессандрины, сделалось невозможно.

Гораздо более усилий нужно было французам, чтобы прибыть в Пьемонт с тою удивительною быстротою, которая заслужила им полную похвалу от всех европейских специалистов. Известие о решимости Австрии послать ультиматум, то есть напасть на Сардинию, сделалось известно французскому правительству по крайней мере в тот же самый день, как был написан ультиматум, если не сделалось известным еще раньше, пока оно составлялось. Да и нельзя было не знать об этом 20 числа французскому правительству, если 21 знали английские газеты. Замечательна не та быстрота, с которою французское правительство получило нужные сведения, а та энергия, с которою оно стало доканчивать свои приготовления к походу, как только узнало о решительном обороте дела. 23 числа, в тот день, когда австрийский ультиматум был сообщен графу Кавуру, было уже снаряжено в поход несколько десятков тысяч солдат, которые 19 числа еще не предполагали двинуться ранее двух или трех недель. 26 числа, когда австрийский авангард перешел Тичино, французы уже высаживались в Генуе и спускались в Сузу с Савойских Альп. Переезд морем едва ли был труден, потому что в Марсели давно уже были собраны огромные транспортные средства; но чрезвычайно замечательна поспешность, с какою французские войска умели сесть на корабли и выйти на берег. До какой степени доведена была заботливость французского военного начальства о быстром совершении всех эволюций, нужных для перевозки армии морем или сухим путем, можно видеть из того, что французские солдаты были заранее обучаемы тому, как входить в вагоны железных дорог и выходить из них самым быстрым и правильным образом.

Дивизии, отправлявшиеся сухим путем, должны были совершить дорогу очень трудную. В конце апреля проходы в Савойских Альпах еще покрыты снегом. 4 000 рабочих было употреблено на очищение пути через Мон-Сени, но все-таки войскам пришлось перенести очень тяжелые затруднения. О том, как много должен был терпеть от холода и тяжелого пути солдат, можно вообразить, зная, что умер от перехода через Мон-Сени генерал Буа, начальствовавший первою дивизиею, вступившею в Сузу. Были примеры, что французские отряды делали в один день 45-верстовой переход через Мон-Сени с его утомительным подъемом и утомительным спуском.

Но каковы бы ни были трудности похода, эти войска уже вступали в Турин 30 апреля поутру, через несколько часов после того, как главные силы австрийцев перешли сардинскую границу. Гораздо большая часть французских войск переправилась в Сардинию морем, как потому, что этот путь легче, так и потому, что сардинская армия, соединиться с которой они спешили, находилась около Александрии, которая гораздо ближе от Генуи, нежели от Сузы.

Известие о наступлении австрийцев было получено в Турине и в Генуе несколько раньше, нежели весть о приближении союзников. После мучительной неизвестности, успеют ли французы прийти во время, чтобы спасти столицу и армию Сардинии, первые французские колонны были встречены жителями с неописанным восторгом. Солдаты, вступившие в Турин, воткнули с французской грациозностью букеты цветов в дула своих ружей и сами были засыпаны цветами с балконов и из окон.

Быстро прибывали в Сузу новые отряды один за другим, еще быстрее приходили в генуэзскую гавань одна эскадра за другою, каждая привозя французский десант. Около 5 мая, когда австрийцы, наконец, собрались приблизиться к Александрии, из Генуи к сардинской армии приехали уже более 40.000 французских солдат. Около 7 числа более 80.000 французов уже были в Пьемонте. Австрийцы слишком запоздали переходом через Тичино; но если бы хотя потом умели вознаградить потерянные дни, вероятно, еще успели бы что-нибудь сделать, потому что на первый раз французы перевозили только солдат, без лошадей, без пушек, без обоза. Но австрийцы не торопились, и французы имели время снабдить свою пехоту конницею и артиллериею. Мы уже прочли в телеграфических депешах, что 12 мая император французов прибыл в Геную и 13-го (1) в Александрию; это значит, что он уже переслал в Италию все то количество войск, какое считает нужным иметь там, что перевезены туда и пушки и все военные запасы, которые предназначались к отправлению для начала похода. Наполеон III не явился бы на театр войны раньше, нежели приготовлено все нужное для блистательного наступления. Австрийцы сами уже увидели, что время слабости противников прошло и что пора им отступать. Снова перейти в наступление случится им, вероятно, еще не слишком скоро. Посмотрим же, что они успели сделать в первую неделю кампании, пока шансы были для них благоприятнее, чем будут во все продолжение остального похода. Мы находим, что самое лучшее понятие об этом можем дать читателям, переведя из Times'a 6 мая статью, написанную или специалистом, или по сведениям, сообщенным специалистами.

«Австрия, повидимому, хочет убедить свет, что если была очень поспешна в своей дипломатике, то готова вознаградить за такую непривычную ей поспешность медленностью своей стратегии. Она удивила Европу и оза-

дарила важных, невинных и доверчивых английских министров решительным действием в такую минуту, когда они полагали, что она ждет мирного разрешения всех своих затруднений; она явилась с внезапною угрозою, с трехдневным сроком и с немедленным открытием похода, и мы все думали, что кратковременною выгодностью обстоятельств она хочет воспользоваться для нанесения решительного удара. Она имела 190.000 человек в Ломбардии и Венеции, из них 120.000 были придвинуты к самым берегам пограничной реки. Командир этой армии, смотря через маленькую речку, мог видеть почти весь театр своих будущих действий. Направо, исчезая в отдалении, встают вершины Альп, налево — менее громадные вершины Монферратских и Аппенинских гор обозначают границу местности, в которую он думал вторгнуться. Но между северною и южною горными террасами расстилается, прямо впереди него, далекий горизонт равнины, идущей между этими горами подобно заливу. Посредине равнины извивается По, прославленная поэзией и историею. С севера и с юга, с Альп на правой руке и с Аппенинского хребта на левой руке и с отдаленных Коттийских Альп, возвышающихся прямо перед ним в конце горизонта и отделяющих его от Франции, текут маленькие речки, будто блестящие ребра, входящие в спинной хребет Пьемонта, образуемый рекою По. В горных округах, налево, стоят сардинские крепости; значительнейшая из них, Алессандрия, расположена почти у входа в Монферратскую землю, а за нею, на берегу моря, лежит Генуя. Гористая страна направо, поднимающаяся к Симплону, к Розе и к Большому Сен-Бернару, почти не защищена искусством; а прямо перед собою по всей плоской равнине реки По наш австрийский генерал не находит ни одного укрепления, способного обороняться хотя один час. Только извивается по этой равнине большая река и текут в нее справа и слева небольшие речки. Есть тут маленькие неукрепленные города, например Новара, Мортара и Верчелли, составляющие треугольник; но нет никакой задержки между ним и Турином, лежащим в конце этой равнины. Вся Европа думала, что Турин будет целью австрийцев; что, получая отвагу от громадного превосходства в силах, они хотя бы маскировать сильной армией крепость Алессандрию и Казале и весь южный горный округ, над которым господствуют эти крепости, и что с остальными силами они быстро двинутся прямо вперед, без остановки пойдут до самого королевского дворца в Турине. Занятие вражеской столицы в начале войны принесло бы славу, и была бы стратегическая выгода овладеть сетью железных дорог, которая теперь ставит в непосредственное сообщение французов, высаживающихся в Генуе, с французами, переходящими через Ман-Сени в Сузу. Владея Турином и железными дорогами, находящимися в Турине, австрийский генерал разрезал бы две французские армии и спокойно владел всею Сардиниею, кроме только одной горной Монферратской области.

«Завладеть Туринном было так важно для удачного начала игры, что Австрия, действительно, могла пренебречь моральной невыгодой, если спешила войной за тем, чтобы приобрести такую важную физическую выгоду. Но по каким-то причинам, — очень может быть, что эти причины очень уважительны, но если они существуют, то не было надобности спешить разрывом переговоров, — по каким-то причинам Австрия не воспользовалась ни своим выигрышем во времени, ни своим превосходством в силах. Ее армия медленно переступила через реку и стала на плоскую равнину, лежащую перед нею. Постепенно, с большою медлительностью, она заняла два города, Новару и Мортару; Новару — правым флангом, Мортару — левым; и потом подвинулась на несколько верст далее до Верчелли; тут она остановилась, стала делать рекогносцировки, а между тем прибывали нагруженные войсками корабли в Геную и длинные колонны французской пехоты спускались с Мон-Сени. Быть может, австрийцев задержали дожди, от которых разнились маленькие речки и испортились дороги; быть может, революции в Парме и в Тоскане¹ внушили им осторожность или нерешительность, а быть может, и то, что австрийцы считали выгоднейшим впустить всех французов через море и через Альпы в Пьемонт, дать им собрать все силы, — быть может, авст-

рийцы думали, что лучше разом прикрыть всех их в этой равнине, из которой некуда будет убежать французам, и придавить всех их вместе. Мы не можем отгадывать их побуждений и критиковать их стратегии; но мы можем видеть, что, пробив семь дней на сардинской земле, они подвинулись от границы не далее 50 верст.

«С прямого пути австрийцы повертывают на юг, т. е. направляются более к Монферратскому хребту, нежели к Альпийскому. На пути встречается им один из изгибов По, и 4 мая они перешли эту реку в Камбио, близ города Салы, как будто намерены были двинуться на Алессандрию; далее вверх по реке, у Фрассието, близ Казале, крепости, способной держаться несколько времени, другой австрийский корпус пытался перейти через реку, но после канонады, продолжавшейся 15 часов, он был отбит с некоторым уроном.

«Какую цель могли иметь эти движения? Если бы австрийцы продолжали двигаться по северному берегу По, они шли бы на Турин. Но тут на дороге встречается Дора, маленькая речка, текущая из Альп и впадающая в По; берега этой реки укреплены сардинцами, воспользовавшимися медленностью австрийцев. Перешедши на другой берег По, австрийцы совершенно обошли эту позицию, потому что они теперь на южном берегу, а Дора впадает в По с севера. Но в чем состоит их намерение: хотят ли они идти на Турин или на Алессандрию — трудно решить».

Действительно, трудно решить, что хотели делать австрийцы. Одни предполагают, что они думали дойти до Турина; другие думают, что они хотели обратиться на Алессандрию; третьи полагают, что они хотели отрезать Алессандрию от Генуи. Но все равно, что бы ни хотели они сделать. Потеря времени расстроила все их планы. От границы до Турина верст около 100. Верстах в 50 от границы лежит Алессандрия, находящаяся на запад и несколько на юг от Турина, верстах в десяти на юг от По. Австрийцы прошли половину дороги до Турина, так что поровнялись с Казале, и Алессандрия оставалась у них уже несколько назади. Но пока они медлили, стояли и производили рекогносцировки, сардинская армия, стоявшая между Алессандриею и Казале (Казале несколько ближе к Турину, нежели Алессандрия), получила такие сильные подкрепления от французов, что австрийцам нельзя было ни напасть на нее, ни продолжать свое движение на Турин. Они постояли еще несколько времени; неприятель усилился новыми французскими отрядами, и теперь австрийцы отступают, и где остановится их отступление — трудно сказать. По последним известиям французско-сардинские войска уже начали наступление под личную команду императора французов, и австрийские войска оттеснены уже почти до самой границы. Таким образом, движение вперед принесло им разве только ту пользу, что они прокормили две недели своих солдат сардинским хлебом и собрали несколько контрибуций. Это нелепое начало похода не предвещает для них ничего особенно хорошего. Будут ли они защищаться на Тичино, будут ли защищать Милан — неизвестно. Но с битвами или без битв, все равно, они скоро будут оттеснены до линии реки Минчио, где найдут опору в крепостях Пескьере и особенно Мантуе.

Приводят две причины для оправдания чрезмерной медленности в их наступлении. Сардинцы, отступая перед неприятелем, испортили дороги: на каждых 100 метрах (45 саженьях) они копали через дорогу довольно глубокие рвы; кроме того, рубили стоявшие по дорогам деревья и сваливали их на дорогу; наконец, они прорвали плотины и шлюзы каналов, которые проведены по всей западной части Пьемонта для орошения полей, и затопили под водою целые обширные местности. Погода также заступилась за сардинцев: с 1 мая (19 апреля) пошли проливные дожди, продолжавшиеся несколько дней, и речки выступили из берегов. Но таких затруднений все-таки еще мало для объяснения медленности, с которою австрийцы подавались вперед. Как бы ни были испорчены дороги, все-таки можно было пройти по ним в целую неделю больше того пространства, которое в один день переходили французские отряды по Альпийскому хребту, где дорога и хуже, и несравненно труднее. Чрезмерному затоплению полей от спущенных каналов нельзя верить — Пьемонт не Голландия, и наверное было бы австрийцам где пройти, если бы они хотели; а если поля были так затоплены, что идти было нельзя, то все равно нельзя было проходить и по 8 верст в день, если нельзя было проходить по 25 верст. Нет, кажется, надобно сказать, что, пропустив благоприятное время для исполнения своего плана, австрийцы сами не знали, что им делать.

Мы пишем почти через месяц по объявлении войны Австрию Сардинии, а между тем, собственно говоря, не произошло никаких громких военных событий, и хотя надобно думать, что участь начавшегося похода решена неловкостью австрийцев, не успевших помешать соединению французов с сардинцами, но в военной части известий за прошлый месяц мало интересного. До сих пор людям, интересующимся итальянскими делами, политические догадки доставляли больше предметов к размышлению, нежели военные события. Война началась; есть сильная вероятность, что австрийцы в первый же поход потеряют всю землю в Италии до Вероны и Мантуи; но в чем же существенная цель войны, чего надобно ожидать в случае успеха французов? Это мы отчасти можем видеть из предшествовавших войне переговоров и суждений, произносимых самими французами о целях их политики.

Конгресс не состоялся; но его собранию предшествовали переговоры и некоторые основания будущего устройства дел в Италии были одобрены Францией.

Некоторые думают, что Франция, подобно Сардинии, не может удовлетвориться ничем, кроме совершенного отнятия итальянских владений у Австрии. Это несправедливо. Вот четыре основания, принятые самою Франциею для переговоров на предполагавшемся конгрессе.

I. Средства обеспечить сохранение мира между Австриею и Сардиниею.

II. Оставление римских владений иностранными войсками, их занимающими, и исследование, какие реформы должны быть введены в итальянские государства.

III. Будет предложена комбинация для замены особенных трактатов между Австриею и итальянскими государствами.

IV. Распределение территориальных владений и трактаты 1815 года останутся неприкосновенными.

Из этого мы видим, что Франция соглашалась на сохранение за Австриею всех ее нынешних итальянских владений. Само собою разумеется, что в случае успешного похода требования Франции возрастут, но нет им никакой необходимости возрастать непременно до совершенного отнятия всех итальянских владений у Австрии. Тут может быть множество средних степеней, определяемых размером успехов и силою расположения в императоре французов к прекращению войны после нескольких славных побед. Всякие условия возможны после того, как Франция соглашалась оставлять за австрийцами все их нынешние владения. Если Франция найдет удобным кончить войну оставлением у Австрии венецианских владений до Гардского озера, до Минчио и Мантуи, а от Ломбардии заставит ее отказаться, Франция назовет это великою услугою делу итальянской независимости. Если у австрийцев будет отнято и гораздо меньше, например, только западная часть Ломбардии до Адды и озера Комо, и это будет также названо великою услугою итальянской независимости. Читатель понимает нашу мысль². Впрочем, мы ничего не предсказываем; мы говорим только, что император французов вовсе не обязан продолжать войну до тех пор, пока заставит Австрию отказаться от всех владений в Италии; мы говорим только, что он может заключить мир с Австриею на каких ему угодно условиях, и, каковы бы ни были условия, все-таки он может сказать, что сделал для Италии более, нежели обещался сделать перед началом войны: не станем забывать, что он соглашался оставить за Австриею все ее владения в Италии.

Но удовлетворят ли итальянцев какие бы то ни было условия мира, кроме совершенного отнятия у Австрии всех Ломбардо-Венецианских земель? Люди бывают склонны к излишней требовательности от своих помощников или покровителей; но в таком случае всегда бывает можно уличить их в неблагодарности и неблагодарности, напомнив им, как скромны были их желания в начале дела. Есть в Италии партия, не принимающая никаких сделок, всегда требовавшая непременно только того, чтобы ни один клочок итальянской земли не принадлежал иностранцам; это — маццинисты. Но император французов опирается не на этих республиканцев, а на людей умеренной или так называемой конституционной партии в Италии. Эта партия перед войною вовсе не шла в своих требованиях до такой революционной неуживчивости с австрийцами, как маццинисты. Она объявляла,

что удовольствуется гораздо меньшими приобретениями. Самым точным выражением ее тогдашних требований надобно считать программу разрешения итальянского вопроса, с которою в начале апреля был отправлен в Лондон поверенный от конституционной партии центральных итальянских государств. Мы приводим здесь сведения, сообщаемые об этом важном факте парижским корреспондентом Times'a в письме его от 9 апреля (28 марта).

«В Лондон приехал поверенный от конституционной партии в Центральной Италии с предложениями, производящими замечательное впечатление на людей, которым он сообщал их. В числе значительных лиц, с которыми он имел совещания, находятся лорды Пальмерстон, Кларендон и Джон Россель, а к нынешнему времени он, вероятно, склонил и лорда Мальмсбери разделять такой же взгляд. Секрет его успеха заключается в следующем: он предлагает средство вполне удовлетворить итальянцев, оставляя неприкосновенными венские трактаты. Он объявляет, что Центральная Италия и Пьемонт оставляют, как несбыточное желание, всякое требование выгнать австрийцев из Ломбардии и Венеции. Конечно, они не перестают желать этого, но этого нельзя достичь без войны, а конституционная партия вовсе не желает видеть французов в Италии. Теперь она ограничивает свои желания тем, чтобы австрийцы и французы вывели свои войска из всех итальянских владений, ныне занимаемых ими не на основании трактатов. Она требует, чтобы Австрия, владеющая частью Италии единственно по Венскому трактату, была обязана строго ограничиваться пределами этого трактата и не простирала своей власти на другие государства. Иначе сказать, они говорят австрийцам: «Ограничивайтесь вашим берегом По, и оставьте нас в покое в наших землях». Многие говорили, что влияние Маццини в Италии ослабело, совершенно исчезло. Конституционная партия подтверждает теперь это; она объявляет, что имеет полную организацию и готова принять на свою решительную ответственность управление государствами Центральной Италии по удалении австрийцев, ручаясь за то, что не будет ни насилий, ни кровопролития. Она только требует того, чтобы австрийцы удалились из тех частей Италии, которые заняты ими не по Венскому трактату, и обязались никогда не возвращаться в эти земли, потому что без такого обязательства австрийцы вечно будут возбуждать волнения, чтобы иметь предлог воротиться».

«Важнейший факт во всем этом то, что Сардиния, в лице синьора д'Азелио от имени графа Кавура, совершенно согласна с этой программой. Синьор д'Азелио говорит, что Сардиния имеет свои особенные неудовольствия против Австрии, но что они не важны сравнительно с условиями, на которые согласна вся Италия. Конституционная партия говорит, что это умеренное требование может быть исполнено без войны и что если дела будут устроены на этом основании, она будет совершенно довольна, предоставляя успехам времени и разума и влиянию соседних либеральных учреждений произвести перемену в положении Ломбардии. Но, прибавляет она, конечно, она будет стремиться приобрести все, что может, если война вспыхнет».

Оставим в стороне вопрос об относительной силе маццинистов и конституционистов. Конституционисты думают, что они сильнее, маццинисты могут думать то же самое о себе, — не в этом дело, как думает конституционная партия о своих силах, а в том, чего она хотела, на что она соглашалась перед войною. Относительно ее чувств мы выводим из ее программы, присланной в Лондон, два заключения. Во-первых, конституционная партия в Италии имела сомнение в том, благоприятны ли будут

для либеральных учреждений и независимости Италии результаты войны, которую Франция хотела начать против австрийцев. Эти сомнения были так велики, что конституционная партия Центральной Италии и Пьемонта готова была пожертвовать ломбардо-венетийцами австрийцам, лишь бы избавить Италию от опасности со стороны французов. Этот факт мы припомним впоследствии. Во-вторых, — и это теперь для нас главное — конституционная партия всего только за несколько дней до начала войны говорила, что «ее требования могут быть совершенно удовлетворены» даже при сохранении за австрийцами всех их нынешних владений. Только с этою партией хочет до сих пор действовать Франция заодно, только ее содействие она принимает, только ее потребности признает справедливыми; мы спрашиваем теперь, какое право будет она иметь жаловаться на неудовлетворение своих желаний, если Франция найдет неудобным лишать австрийцев хотя бы одного селения в Ломбардии? А если Франция уменьшит австрийские владения хотя каким-нибудь маленьким округом, император французов может назвать это уже великодушным превышением требования самих итальянцев. «Но конституционная партия не отказывалась отнять у австрийцев все, что можно будет отнять, если вспыхнет война». Так, этими самыми словами ей и будут отвечать, если война кончится какими-нибудь неважными потерями для австрийцев. «Что могли мы отнять у австрийцев, не подвергая Францию чрезвычайным усилиям и бедствиям слишком упорной войны, то мы и отняли у них, — скажут французские дипломаты; — требовать совершенного отказа их от итальянских владений значило бы слишком обременять Францию и итальянскую войну обращать в общеевропейскую; этого Франция не обещала сделать и не могла сделать».

«Но сам император французов в своей прокламации объявил, что война должна иметь своим результатом совершенное изгнание австрийцев из Италии». Нет, понимать прокламацию его непременно в таком смысле — значит видеть в ее выражениях только такое значение, какое приятно неопытному в дипломатических истолкованиях читателю, и не замечать, что те же самые выражения могут допускать и другое толкование, далеко не столь тесное. Мы попробуем показать, что можно сделать из этих фраз в случае надобности. В длинной прокламации, собственно, только два места, определяющие конечную цель войны; мы посмотрим, что могут сделать из них обоих дипломаты в случае надобности.

«Австрия довела положение дел до такой крайности, что должно или ей владычествовать до Альп, или Италии быть свободной до Адриатического моря». Неопытный ум может видеть в этом положительную решимость отнять у Австрии все, до самой Венеции. Но очень легко истолковать эти слова иначе. Во-

первых, необходимость изгнания австрийцев ставится следствием их собственной политики, непримиримо враждебной Пьемонту, — «Австрия довела вещи до такой крайности», и освободить Италию до Адриатического моря необходимо потому, что иначе Австрия «завладеет всею землею до Альп», — то есть Пьемонтом. Но что, если Австрия докажет, что она отказывается от вражды против Пьемонта? Что, если она согласится на такие условия мира, что существование Пьемонта будет ограждено от предполагаемой опасности? Тогда исчезает одна половина дилеммы, стало быть, исчезает надобность и в другой половине. Если не будет опасности, что Австрия станет расширять свои владения, не будет надобности и изгонять ее из Италии.

Нейтральные державы теперь убеждены, что Австрия никогда не хотела присвоивать себе ни вершка пьемонтской земли, — почему знать, что Франция не убедится в этом, когда почтет удобным склониться к такому убеждению?

Итак, прокламация ставит изгнание австрийцев в зависимость от факта (опасность для Пьемонта), который может быть с согласия Австрии устранен множеством разных способов, например, обязательством Австрии не нападать на Пьемонт; уступкою каких-нибудь округов, отнимающих стратегические линии для наступления в Пьемонт из австрийских владений; срытием каких-нибудь пограничных укреплений; обязательством не держать в Ломбардии более 100.000 войска (как и не держала Австрия до начала нынешнего года) и т. д. Нельзя исчислить всех комбинаций, которыми может уничтожиться надобность изгонять австрийцев из Италии.

Мы видим, как легко при некоторой опытности в дипломатических исследованиях найти в случае надобности, что первое из выражений, определяющих цель войны, вовсе не исключает возможности оставить за австрийцами часть их владений или и все их владения в Италии, смотря по внушению обстоятельств. А на этом одном выражении почти исключительно и опираются все толки, будто бы полное изгнание австрийцев поставлено непременною целью войны. В самом деле, второе выражение прокламации гораздо менее определительно:

«Цель этой войны — то, чтобы Италия снова принадлежала самой себе (*rendre l'Italie à elle-même*), а не то, чтобы заменить одно господство над нею другим». Тут сущность мысли заключается просто в засвидетельствовании того, что Франция не хочет завоеваний в Италии, что она не хочет занять в ней того положения, какое ныне занимают австрийцы. Но само собою разумеется, что исполнение желаний зависит от обстоятельств, и в строках, непосредственно следующих за этим выражением, мы имеем указание на факты, которые могут принудить Францию, — конечно, с прискорбием, отступить от образа действий, стремление к которому выражено приведенною у нас фразою:

«Мы идем в Италию не возбуждать беспорядки, не потрясать власть святейшего отца, нами восстановленную». Но что же, если бы оказалось, что итальянцы наклонны к произведению «беспорядков»? — Ясно, что Франция стала бы удерживать их от такого губительного заблуждения, — этим именно и занималась до сих пор Австрия. Вся политика ее в Италии направлена была исключительно к предупреждению «беспорядков». Власть папы должна остаться непоколебимою; но что, если окажется в римлянах желание колебать ее? — Франция принуждена будет охранять папу от недоброжелательства его подданных.

Таким образом, самая прокламация довольно точно показывает, что Франция в Италии главною своею заботою будет иметь пресечение беспорядков и народных волнений; она предоставит итальянцам ту степень независимости, какая может остаться у них без нарушения законного порядка; условия мира с австрийцами поставляются в зависимость от прекращения опасности для Пьемонта, и мы видели, что опасность эта может быть устранена множеством разных способов, не требующих изгнания австрийцев из Италии. Только людям, слишком расположенным видеть в чужих словах смысл, какой приятен для них, и не привыкшим вникать в характер дипломатического языка, может казаться, что император французов связывает себя в своей прокламации какими-нибудь обязательствами, кроме обещания не допускать в Италии беспорядков, как не допускали их австрийцы, и поддерживать власть папы, как поддерживал ее до сих пор. Если у кого остается сомнение в этом, оно может окончательно рассеяться соображением смысла речей, сказанных в законодательном корпусе по поводу итальянского вопроса, и соображениями относительно действий французского коменданта в Риме.

Много раз мы указывали на существенную причину неизбежности войны, находя ее в отношениях нынешней французской системы к общественному мнению. Система эта чувствовала необходимость отвлечь внимание нации от внутренних вопросов громом побед и упрочить себя возобновлением своей военной славы. Политика эта в значительной степени оправдалась успехом. Мы видели, что с начала нынешнего года толками о войне заглушились требования внутренних реформ, так быстро усилившиеся в конце прошлого года. Мы говорили также, что ропот расчетливых людей на обременительность задуманной войны будет заглушен энтузиазмом воинственной нации, когда война будет объявлена. И действительно, массою простолюдинов в Париже и в других больших городах овладел восторг, как только была объявлена война. Мы могли бы не верить, если бы только французские газеты говорили о народном восторге; но из английских и даже немецких газет видно, что простолюдины больших городов и особенно Парижа действительно увлечены

мыслью о славе, какую приобретет Франция, освободив Италию. Рассказы газетных корреспондентов несомненно подтверждаются двумя фактами. Число волонтеров, поступающих на время войны, если и не так громадно, как уверяют официальные газеты, то все же очень значительно. Один Париж дал их более 15.000 (официальные газеты говорят о 25.000). В других больших городах наберется почти такое же число. Еще важнее тот факт, что император отважился послать из Парижа в Италию и свою гвардию, и большую часть гарнизона. Это показывает, что правительство стало пользоваться значительной степенью популярности и могло ослабить предосторожности против восстания в столице.

Правда и то, что простолюдины, совершенно не знакомые с дипломатическими тонкостями, понимают характер войны совершенно не в таком свете, какой придает войне правительство и в каком видят ее люди, более сведущие в дипломатическом языке. Парижские простолюдины и вся французская армия думают, что война имеет революционный характер; потому и восторг, ею возбужденный в солдатах и в рабочих, уже принял оттенок, из которого должны возникнуть столкновения, когда факты покажут простолюдинам и солдатам, что они ошибались. Толпы волонтеров и рабочих ходят по улицам Парижа с революционными песнями, которых не слышно было с 1850 года. Войска, садившиеся на корабли в Марсели, также пели революционные песни. Во французском лагере в Пьемонте над всеми криками в честь императора и в честь Италии господствует марсельеза. С криками «да здравствует император!» часто смешиваются крики «да здравствует республика!» Конечно, не надобно придавать этому республиканскому и революционному характеру простонародного энтузиазма слишком большой важности и должно ожидать, что военная дисциплина успеет подавить те его проявления, которые были бы для нынешней системы опаснее простого пения. Можно даже думать, что в случае успешного хода войны личный энтузиазм к императору, доставившему случай для побед, возьмет верх над нынешним республиканским оттенком воинственности. Но как бы то ни было, надобно заметить факт, который может быть источником затруднений для нынешней системы, если не будет подавлен быстрыми победами.

Заблуждения простолюдинов не разделяются, как мы сказали, людьми опытными в политической жизни, а восторг от ожидаемой славы не заставляет образованные классы общества забывать об интересах, которым война неблагоприятна. Республиканская партия не предполагает, чтобы война имела целью действительное освобождение Италии, а буржуазия скорбит об упадке фондов. Этим объясняется чрезвычайно холодный прием военных предложений в законодательном корпусе и смелость речей, сказанных некоторыми из членов его. Заседания законода-

тельного корпуса в первый раз со времени второго декабря³ становятся интересными. Опираясь на недовольстве большинства депутатов, в которых прежние расчеты о выгодах приверженности к нынешней системе сменяются расчетами о вероятном разорении от войны, малочисленные республиканцы законодательного корпуса начинают говорить довольно резко. Мы приведем здесь отрывки из писем парижского корреспондента Times'a и отчеты «Монитёра» о некоторых речах, сказанных в законодательном корпусе.

Мы говорили о быстроте, с какою французское правительство сделало военные распоряжения при первом известии об австрийском ультиматуме. Не теряя времени, внесло оно в законодательный корпус и проекты тех декретов, которые должны быть принимаемы с согласия законодательной власти. Первые два предложения состояли в том, чтобы увеличить призываемый под знамена контингент 1858 года от прежней цифры 100.000 до 140.000 человек и дать правительству полномочие заключить заем в 500.000.000 франков. Вот как парижский корреспондент Times'a рассказывает о заседании законодательного корпуса 26 апреля, когда были сделаны эти предложения.

«Граф Морни, управляющий мудрыми совещаниями представителей Франции, явился в половине второго в простом фраке. Относительно орденов он принял скромность. Из находящейся у него полудюжины их он удовольствовался на этот раз только лентою и звездю Почетного Легиона. Скоро явился г. Барош, замечательный по своему мундиру президента государственного совета, богато вышитому золотом, по ленте и по звезде, — за свои гражданские заслуги он также получил «звезду мужества». Перед г. Морни стоит стол с богатою позолотою, с инкрустациями и с конторкою, имеющею за видное отличие служить хранилищем мыслей его высокопревосходительства. Ниже стоит длинный стол, за которым сидят комиссары правительства: один из них теперь г. Барош. Приблизилась решительная минута; г. Морни повзвонил в колокольчик во второй раз и водворилось глубокое молчание. Президент возвестил о прибытии министра иностранных дел; г. Валуевский вошел в залу и сел за стол комиссаров. Затруднителен вопрос, чей мундир богаче вышит — г. Валуевского или г. Бароша: оба они находятся в золотой скорлупе. Но мне кажется, что г. Валуевский, как сенатор, имеет право носить один или два золотые жгута лишних против г. Бароша, как президента государственного совета. Впрочем, оставляю этот вопрос до дальнейших исследований; довольно сказать, что оба они чрезвычайно великолепны. Из львов, дельфинов, коршунов, орлов и других орденов, данных г. Валуевскому европейскими государями, на выставке не было ни одного, кроме ленты и звезды Почетного Легиона. С удовольствием свидетельствую об этой общей умеренности.

«Президент объявил, что министр имеет нечто объявить палате. Г. Валуевский встал и начал читать по тетради. Сообщение содержало только историю итальянского вопроса и начиналось описанием беспокойства, произведенного в начале года вооружениями Австрии и накоплением войск в Ломбардо-Венецианских землях с намерением напасть на Пьемонт. Сколько я расслышал, министр не упомянул ни о словах, сказанных императором французам австрийскому посланнику в новый год, ни о пломбьерских планах, ни о намерении, приписываемом Пьемонту, при помощи Франции выгнать австрийцев из Ломбардии. Умалчивая обо всех этих фактах, как обстоятельстве неважных, он изложил ход переговоров до австрийского ультиматума относительно обезоружения Пьемонта. Разумеется, министр выказывал уме-

ренность желаний и планов императора и сильно отрицал всякие планы честолюбия или завоевания. Палата слушала молча. К концу сообщения, в местах о желании императора сохранить мир, два раза послышался шопот семи или восьми голосов: «très bien! très bien!»*; по окончании речи десятка два голоса повторили то же восклицание, и десятка два пар рук захлопали. Большинство палаты сидело молча и неподвижно.

«Тогда г. Барш прочел изложение причин проекта закона об увеличении последнего стотысячного контингента прибавкою еще сорока тысяч рекрут. Прочтен был также проект закона о разрешении правительству сделать заем в 500 миллионов франков.

«Тогда встал г. Морни и прочел краткий адрес к палате. Он убеждал депутатов «пренебречь при настоящих обстоятельствах всеми материальными интересами для патриотизма, смотреть не назад, а вперед», и т. д. Увещание пренебречь материальными интересами для более благородной цели, исходя от столь уважаемого авторитета, без сомнения, произвело надлежащее впечатление. Некоторые депутаты улыбнулись — в знак согласия и одобрения, как я полагаю. После этой самоотверженной речи несколько человек из депутатов закричали: «Vive L'empereur!»** и стали аплодировать⁴. Аплодисменты были вовсе не общие, и расположение палаты не походило на энтузиазм.

«Надобно не оставить без внимания то, что два министра, избранные для представления сообщений и для поддержания их своим красноречием, с самого начала до самого конца противились войне. И г. Валевский и г. Фульд, прочитавший сенату такое же сообщение, как г. Валевский законодательному корпусу, глубоко скорбели о направлении, принятом делами».

Рассмотрев проекты в своих отделениях (бюро), законодательный корпус собрался на другой день (27 апреля) для совещаний в публичном заседании об увеличении контингента. Оратором оппозиции явился в этот день республиканец Эмиль Оливье. Речи, произносимые в законодательном корпусе, печатаются только в извлечениях, составляемых официальным порядком под наблюдением президента, назначенного императором. Потому можно судить, до какой степени смягчается и даже совершенно изменяется в этих извлечениях смысл слов, несогласных с желаниями президента. Но и по бледному извлечению, представленному «Монитёром», читатель может видеть, в чем состоял смысл слов Оливье. Вот буквальный перевод из протокола, помещенного в «Монитёре»:

«Г. Эмиль Оливье говорит, что вот уже четыре месяца общественное мнение взволновано. Все с беспокойством спрашивают себя: сохранит Франция мир или начнет войну? Оратор жалеет, что в течение этого долгого времени французы получали сведения о ходе дела только из прений английского или сардинского парламентов, и французскому законодательному корпусу предложен этот вопрос только уже по фактическом его разрешении.

«В настоящую минуту Италия одушевлена всеобщим желанием: вся нация желает изгнания иностранцев, соединяется под знаменем Пьемонта и призывает Францию. Такое чувство, по мнению оратора, совершенно основательно. С 1815 года австрийское правительство не ограничивалось нарушением обещаний, данных от его имени миланцам и венецианцам, оно постоянно угнетало всю Италию. На минуту блеснул Италии луч надежды; она отвергла даже руку, протягиваемую ей французской республикой, надеясь,

* «Очень хорошо, очень хорошо!» — *Ред.*

** «Да здравствует император!» — *Ред.*

что будет обязана своим освобождением только самой себе. Эта надежда ее обманула.

«На жалобы итальянского народа, на протестации, сделанные от его имени графом Кавуром перед Парижским конгрессом, всегда отвечали только одним возражением, — указанием на трактаты 1815 года, на эту «территориальную конституцию Европы», по выражению лорда Пальмерстона.

«Как надобно смотреть на трактаты 1815 года? Были высказываемы очень различные мнения об этих слишком знаменитых дипломатических сделках. Во Франции никто не отваживался защищать их, даже из тех людей, которые считали необходимым сохранять их. Одни говорили: должно проклинать их, но уважать их; другие, как знаменитый манифест (Ламартина), говорили: должно отрицать юридическую силу трактатов 1815 года, но уважать их фактическое существование. Все признавали, что эти трактаты должны считаться не столько договорами, сколько приговорами, произнесенными против Франции. Оратор объявляет, что он и его друзья делают существенное различие между разными территориальными определениями трактатов 1815 года. Постановления, направленные против Франции, они отличают от тех, которыми нарушены права национальностей менее сильных. Достопочтенный член мало скорбит о том, что не расширяются границы Франции. Призвание Франции не в том, чтобы расширять свои границы. Оратор и его друзья осуждают устарелую завоевательную политику. Не материальные, а нравственные завоевания должна делать Франция; для наций, как и для частных людей, истинное величие состоит в бескорыстии.

«Но есть, по мнению оратора, в трактатах 1815 года такие постановления, которые должны быть энергически отвергаемы; это — те постановления, которые направлены против национальностей, не столь сильных, как Франция, и в особенности те двусмысленные постановления, которые повергли Италию, как жертву, к ногам Австрии. Когда был возбужден итальянский вопрос, достопочтенный член и его друзья хотели думать, что во мнении самого правительства трактаты 1815 года перестали существовать по отношению к Италии; на этом пути они готовились оказывать ему самую решительную, страстную, неослабную помощь; но в ту минуту, когда надобно принять окончательное решение, возникло в уме оратора сомнение, и он желал бы, чтобы правительство рассеяло это сомнение. Он далек от мысли упрекать правительство за то, что оно не торопилось вступить в войну; понятно, что глава государства колеблется перед решением отнять у нации блага мира. Но он был печально удивлен, слыша вчера, что г. министр иностранных дел подтверждает слова, сказанные с английской трибуны, что французское правительство соглашалось вести переговоры на основании трактатов 1815 года, — этих трактатов, которые разорвала сама Австрия своими особенными договорами, своими дипломатическими и военными вмешательствами, продолжительными занятиями чужих земель военной силою. Правительство могло не возбуждать вопроса; но, возбудив его, оно не должно было соглашаться на переговоры, которые могли упрочить трактаты 1815 года и возвратить им силу, ими потерянную.

«При таком положении вещей оратор спрашивает, что хотят делать в Италии. Итальянские походы могут иметь разный характер. Французское вмешательство может произвести освобождение Италии; но оно может также привести только к договору вроде Кампоформиосского⁵ или оказаться новою римскою экспедициею. Намерения правительства не объяснены. В этой неизвестности оратор и его друзья считают нужным опасаться, что, предпринимая настоящую экспедицию, правительство имеет только одну цель — приобретение военной славы, хочет воспользоваться Италиею, а не принести пользу ей. Они не хотят выражать доверие к правительству, подавая голос за предложенный закон; они не хотят, отвергая закон, принимать такой вид, как будто бы изменяют Италии и становятся на стороне австрийцев; потому они удерживаются от подачи голоса. Сердце их за Италию, но они ожидают от правительства объяснения, что нынешняя война начинается для пользы Италии.

«В заключение оратор говорит, что, судя по официальным известиям, война начинается при самых благоприятных условиях. Чем бы она ни кончилась, он свидетельствует, что он и его друзья останутся верны преданию своих отцов, преданию тех граждан-героев, которые в дни великой опасности умели охранять, под предводительством Гошей и Марсо, от осквернения иностранцами священную землю отечества».

Не много нужно догадливости, чтобы понять из этого извлечения, каким резким неодобрением была проникнута речь Оливье. Он говорит, по выражению «Монитёра», что французская нация в течение четырех месяцев узнавала факты только из прений английского и сардинского парламентов; но в «Монитёре» часто печатались официальные статьи, излагавшие ход дела и намерения французского правительства, — ясно, что Оливье не считает достоверным ни одного слова этих статей. Он жалеет, по выражению «Монитёра», что четыре месяца правительство не предлагало законодательному корпусу итальянского вопроса и сообщает ему об этом деле, когда оно уже решено, — ясно, что оратор говорил о пренебрежении правами законодательного корпуса, а права эти понимал так, что правительство было обязано не делать ничего важного без его согласия. Оратор думал, по выражению «Монитёра», что правительство хочет вести войну для уничтожения трактатов 1815 года относительно Италии, т. е. для изгнания австрийцев из Италии, но в решительную минуту в нем пробудилось сомнение, — ясно, он говорил, что никогда не верил в намерения правительства освободить Италию, а теперь имеет в руках доказательства основательности своего неверия. Это доказательство доставлено словами английского министра, что Франция соглашалась вести переговоры на основаниях трактатов 1815 года. Но «Монитёр» также излагал основания переговоров, и ясно, что Оливье выставляет разноречие «Монитёра» с истиной, доказанной прениями английского парламента; он говорит, что «Монитёр» скрывал факты, излагал дело в ложном виде; но теперь Валуевский и Барош говорили согласно с «Монитёром», — ясно, какой характер придает Оливье их словам. По выражению «Монитёра», он был бы рад, если бы объяснилось его сомнение, — ясно, он требовал у министров отчета в противоречии официальных изложений с фактами. Валуевский подтвердил факты, обнаруженные английским парламентом: это значит, Валуевский был принужден сознаться, что до сих пор лгал. Наконец, в предпоследнем параграфе речи, несмотря на все искажения, сделанные протоколом в словах Оливье, смысл остался так резок, что не требует пояснений. Можно идти в Италию за тем, чтобы освободить ее, можно идти за тем, чтобы поработить ее больше прежнего, говорит Оливье в этом параграфе. Зачем посылают туда теперь французов, продолжает он, можно знать по результатам римской экспедиции. История этой экспедиции известна: когда она отправлялась, Наполеон III, бывший тогда еще президентом рес-

публики, говорил, что цель экспедиции спасти Рим от австрийцев, а кончилась экспедиция тем, что французы поддерживают в Риме правительство, которое угнетает римлян хуже, нежели австрийцы угнетают ломбардцев. Последний параграф протокола заключает в себе мысль самую горькую: «война начинается при счастливых условиях, но мы готовы защищать Францию от вторжения иностранцев», говорит Оливье. Ясно, что это значит: Оливье говорил, что самые счастливые обстоятельства разрушаются коварством излишней хитрости, которое, наконец, должно восстановить против себя всю Европу; Европа увидит, что Ломбардия была только предлогом для завоевательной политики; Европа увидит, что должна защищать сама себя, а не Австрию, составится новая коалиция и повторятся события 1813 и 1814 годов. Кажется, этого было бы довольно; но имена Гоша и Марсо, упоминаемые «Монитёром», свидетельствуют о мысли еще более резкой: без сомнения, Оливье противопоставлял этих республиканских генералов Наполеону I и указывал на то, что европейская коалиция, которая легко победит императорскую Францию, может быть побеждена только республиканскою Франциею.

К таким-то речам в законодательном французском корпусе открывается теперь возможность; большинство, составленное из людей, до сих пор восторженно хваливших нынешнюю систему, вдруг охладело к ней и дозволяет возвышать голос немногим республиканцам, находящимся в законодательном корпусе; мало того, что оно позволяет им говорить, — вероятно, оно слишком сочувствует им за протест против намерений императора, если сам граф Морни, президент законодательного корпуса, принужден был терпеть речь Эмиля Оливье.

Но зачем догадки о чувствах большинства, так недавно бывшего преданным нынешней системе? Холодность, с которою принимает оно сообщения и объяснения правительства, достаточно свидетельствует о его чувствах. Но опять, зачем мы говорим о заключениях, выводимых из молчания и холодности? Бывшие панегиристы правительства уже не довольствуются молчанием; через два дня после прений о контингенте происходили прения о займе, и вот что рассказывает парижский корреспондент Times'a о заседании законодательного корпуса 29 апреля. В предисловии к его рассказу мы сделаем только одно замечание: слова Плишона он буквально берет из протокола, напечатанного в «Монитёре», и берет далеко не все резкое, сохраненное из них даже «Монитёром». Можно по этому судить, какова в действительности была речь этого депутата, до сих пор восхищавшегося Вторую империю.

«Большое удивление было возбуждено свободою, с которой говорили против войны многие члены, до сих пор бывшие раболепными приверженцами (servile followers) правительства, и простором, который был дозволен их ре-

чам вице-президентом законодательного корпуса г. Шнейдером, председателем, заседавшим в этот день. Если бы болезнь не помешала быть в заседании президенту, г. Морни, то, вероятно, не было бы такого простора. Особенно энергичен был язык г. Плишона. Он начал тем, что не чувствует никакой симпатии к большей части мнений г. Оливье, республиканского депутата, говорившего в одном из предшествовавших заседаний, но соглашается с ним в одной мысли — в той мысли, что «невыносимо для страны, столь долго имевшей всю полноту политической жизни, терпеть такое положение, что факты, относящиеся к ней, она должна узнавать от иностранцев». Еще невыносимее, прибавил он, что вопросы, от которых зависит будущность страны, завязываются и решаются без всякого участия законодательного корпуса. «Я подал голос за увеличение наших военных сил (продолжал г. Плишон), потому что наши войска уже перешли границу, стало быть, мы обязаны поддерживать честь французского знамени и поздно нам рассуждать. Но если бы вопрос не был уже решен без нас; если бы я мог рассматривать, имеет ли Франция какую-нибудь надобность вмешиваться в эту войну, я сказал бы: нет. Я вотировал с прискорбием, потому что имел глубокое убеждение, что правительство без надобности впутало нашу страну в войну, исполненную риска и опасности, для результатов, по крайней мере неверных, чтобы не сказать более. Из сообщений, сделанных правительством, решительно не видно, чтобы австрийская политика в Италии подвергала опасности честь или спокойствие Франции или равновесие Европы». Далее он заметил, что политическое положение Италии вовсе не ново; что со времени возникновения этого положения было во Франции много разных правительств и ни одно из них не находило это положение столь важным для интересов Франции, чтобы завязывать войну для его прекращения. Он спросил, будет ли эта война революционная или политическая, должна ли она быть отрицанием или продолжением политики, внушившей римскую экспедицию? Будет ли целью ее только изгнание австрийцев, или независимость и единство Италии? Он спросил, как далеко хочет идти правительство и на чем оно думает остановиться? «Каждому видны, — заключил г. Плишон, — жертвы, которых будет стоить Франции эта война; но никто не видит, какую выгоду Франция получит от нее. Да, ничего не может она получить от нее, кроме разве пустой славы, — это будет единственным вознаграждением ее за кровь ее детей». Г. Плишону отвечал г. Барош, президент государственного совета. Он сказал, что Франция воюет потому, что на нее напали. Франция объявила, что если австрийцы нападут на Пьемонт, она обязана защищать его. Других причин к войне нет. После того встал просить слова г. Жюль Фавр, знаменитый республиканский адвокат.

Речь Жюля Фавра занимала важнейшее место в заседании 29 апреля; мы приводим вполне всю часть протокола, в которой излагаются его слова. Читатель заметит, какой смысл должно было иметь в действительности замечание президента, предшествовавшее словам Жюля Фавра. Президент просил палату слушать спокойно с уверенностью, что оратор не скажет ничего оскорбительного для чувств палаты; это служило напоминанием оратору, что позволение говорить дается ему под условием соблюдать осторожность в словах. Но в благодарности президенту, которой начинает Жюль Фавр, содержится прямой отказ скрывать свои мысли. Потом он восстает против Плишона, — это за то, что Плишон высказывал боязнь войны с революционным характером. Жюль Фавр доказывает, что если война не будет иметь революционного характера, то незачем начинать ее; и вся его речь состоит в развитии двух мыслей, одинаково враждебных

нынешней системе: он доказывает, что война необходимо должна была бы иметь революционный характер; потом доказывает, что правительство хочет вести ее в консервативном духе с единственной целью упрочить свое существование славою побед, без всякого намерения улучшить положение Италии. Но прочтем изложение самой речи, представленное «Монитёром».

«Г. Жюль Фавр требует речи.

«Г. президент, давая речь г. Жюлю Фавру, просит палату слушать его, не перерывая. Искусство, с которым г. Фавр владеет речью, должно служить палате речительством за то, что речь оратора будет сообразна с важностью обстоятельств; потому г. президент просит палату слушать эту речь, не перерывая.

«Г. Жюль Фавр благодарит г. президента за доброжелательную мысль его замечания, но требует полной независимости своим объяснениям. Он постарается не оскорбить палату ни одним из своих слов. Если он принимает участие в настоящем прении, он делает так по убеждению, что это прение необходимо, и требует более глубокого разъяснения.

«Нимало не одобряя некоторых слов, произнесенных г. Плишоном, оратор понимает их. По мнению достопочтенного члена, очевиднейшею истиною принимается то, чтобы война могла являться совершенно оправданной, чтобы ее причина была ясно указана и цель ее ясно определена.

«Достопочтенный член указывает на несообщение известий как на нечто очень замечательное. Он не может объяснить себе, каким образом Франция могла быть ввергнута в войну, которая может объять всю Европу, и представители страны могли быть не призваны своевременно к выражению своего мнения. Но если законодательному корпусу не дано было направлять ход событий, если теперь он не имеет права отказывать нашей армии в средствах с блеском явиться на театре действий, то члены палаты имеют право спрашивать о причине и о цели войны.

«Сведения, сообщенные правительством, не бросили особенного света на вопрос. Правительство промолчало после речи г. Оливье. А между тем при настоящих обстоятельствах объяснения должны казаться необходимыми. Г. министр иностранных дел прочел палате изложение событий, но, по мнению оратора, в этом объяснении нет откровенности относительно одного пункта и этот недостаток откровенности кажется ему ошибкою и опасностью.

«В настоящее заседание г. президент государственного совета сказал, что война теперь начата и трактаты разорваны. Оратор спрашивает, не нужно ли в таком случае самым точным образом определить положение дел. Каждый член палаты желает, чтобы война была счастлива и кратковременна. Но для этого надобно, чтобы она воспламенила сердца, а для этого нужно, чтобы необходимость ее была доказана всем, чтобы всем была показана святость и нравственность ее причины.

«Документ, прочитанный г. министром иностранных дел, говорит, что Франция постоянно желала мира, что она и теперь желает его, что она веда переговоры для этой цели. Оратор протестует против этих выражений. Г. президент государственного совета сказал, что Франция сражается только потому, что на нее напали; но, по мнению оратора, война имеет цель более высокую. Воевать для собственной защиты — такая политика невозможна для Тюильри. Правительство должно уметь лучше держать знамя Франции. По убеждению оратора, французское правительство хотело войны и готовило ее. Ответственность за войну должна лежать на правительстве.

«Достопочтенный член просит возвратиться мыслью год назад. Ничто не показывало тогда, что мир будет нарушен. Тюильрийский кабинет выразил свою заботливость об Италии среди совершенного спокойствия; он высказал тогда мысль, что надобно произвести реформу в некоторых итальянских государствах, и восставал против возрастающего существования Австрии. Положение, принятое французским правительством, его слова, допу-

скаемые им статьи и брошюры—все это встревожило Австрию за владычество в Италии, все это показывало, что трактаты 1815 г. колеблются в своем основании.

«По мнению оратора, такой образ действий необходимо должен был иметь двойное последствие: глубоко взволновать Италию и встревожить венский кабинет, т. е. заставить его усилить стеснительные меры, которыми он обременял Италию. 40 лет Австрия господствует в Италии насилем, терроризмом, инквизициею, полициею, ссылками, конфискациями, многочисленными крепостями, которые она считает неприступными и которыми ограждает она свою непопулярность. Она думала, что, увеличив силу средств разрушения и порабощения в этой благородной и несчастной стране, она восторжествует над всем. Она подавила все, кроме сердец: сердца ускользнули от тиранства и непримиримостью своей вражды протестуют против нарушения вечных законов, на которых основывают они свой протест. Но, прибавляет оратор, насилие бывает только фактом временным и никогда не может основать прочного правительства.

«Притом же явилось для Франции затруднение, о котором не думали уполномоченные Венского конгресса, затруднение в тысячу раз опаснейшее всех тайных обществ, поражающих во мраке. Австрия подвергается явной опасности от развития свободы перед лицом деспотизма. Потому Австрия почувствовала необходимость вести против Пьемонта глухую вражду. Но Пьемонт имеет за себя святость и справедливость своего дела и нравственную поддержку во всех благородных людях. Его молодой король составляет гордость своего народа и хочет отомстить за смерть своего благородного, славного и несчастного отца *. Помощником пьемонтского короля находится государственный человек, возвеличенный мыслью, что он должен освободить Италию, что это должно быть делом его жизни, — государственный человек, написавший на знамени Пьемонта девиз: «независимость Италии», т. е. изгнание австрийцев **.

«Оратор спрашивает, правда ли, что те волнения, которые в настоящую минуту обнаруживаются в Италии, движение, которое разливается в ней и которое уже низвергло шаткий тосканский престол, — правда ли, что эти волнения одобряются тюльрийским кабинетом? Французское правительство услышало жалобы итальянцев и сделалось их эхом; оно недавно укрепило договором и брачным союзом старинные связи между Франциею и савойским домом. Правительство в своей политике было верно преданиям Франции, и оратор убежден, что Франция будет могущественна только тогда, когда Италия будет свободна и обновлена. Разбивать цепи рабства, изгонять властителей, умеющих господствовать только насилем, — таково, по мнению достопочтенного члена, призвание Франции.

«Оратор знает, что была речь о конгрессе, на котором дипломаты думали мирно разрешить эти вопросы; дипломаты способны на все, но эта надежда их всегда казалась оратору химерою. Конгресс невозможен, если на нем нет Пьемонта; а если являлся на нем Пьемонт, удалялся с него Австрия. Но, удаляясь, она губит себя, потому что удаляется от цивилизации и человечества.

«Итак, вопрос может быть разрешен только войною; потому оратор считает необходимою, чтобы в точности была известна политика и цель Франции. Причиной войны служит угнетение Италии, оно вредно для Франции. Чтобы отстранить этот вред, решена теперь война, и эта война не должна иметь никакой другой цели, как независимость Италии. Это говорит Пьемонт в своей прокламации, и наш союзник не может быть обманут.

«Потому оратору кажется, что невозможно иметь сомнений относительно цели войны. Но он не может удержаться от воспоминания, относящегося к 1849 году, к эпохе римской экспедиции. В 1849 году он имел некоторое

* Карл-Альберт. — *Ред.*

** Кавур. — *Ред.*

опасение за результат экспедиции. Члены тогдашнего правительства отвечали ему, ругаясь своим словом, что не будет сделано никаких покушений против свободы; а между тем известно, что произошло. По мнению оратора, результатом римской экспедиции было восстановление правительства, которое ненависто жителям Церковной области и которое все кабинеты признают дурным.

«Чтобы устранить всякую неизвестность, оратор просит г. президента государственного совета сказать ему, ошибается ли он в истолковании истинной причины и цели войны. По мнению оратора, Франция обнажила меч за независимость Италии и не должна владеть его в ножны, пока остается хотя один австриец на итальянской земле. Если правительство находит, что мысль оратора слишком обширна, он просит отвечать ему на вопрос: обнаружившееся волнение уже низвергло престолы австрийских вассалов; намерено ли правительство восстанавливать их? Если правительство кардиналов⁶ будет низвергнуто, то будут ли проливать кровь римлян для восстановления этого правительства?

«По мнению оратора, это невозможно. Ему не кажется даже, чтобы правительству нужно было давать объяснения об этом. Довольно будет и того, если правительство промолчит. Дилемма теперь такова: или надобно изменить Италии и Пьемонту, или надобно освободить Италию, т. е. изгнать из нее австрийцев. Оратор хочет думать, что если правительство не отвергнет прямо политику второго рода, то оно принимает ее. Ограничивать роль Франции войною чисто-оборонительною, что значило бы косвенным образом делать Францию союзницею Австрии, упрочивать австрийское господство и отдавать Италию на жертву всем бедствиям реакции.

«Оратор убежден, что никто не может желать такого результата; потому он убежден, что французы теперь идут на освобождение Италии и что независимость ее составляет цель войны. Дistinguished член прибавляет, что во внутренней политике не может быть никакого примирения между ним и правительством, пока Франция остается угнетена нынешнею системою.

«Г. Барош, президент государственного совета, говорит, что такое выражение не должно быть терпимо. Франция не угнетена нынешнею системою; напротив, Франция поднята нынешнею системою.

«Г. президент замечает, что г. Жюль Фавр, произнося употребленное им выражение, забыл, что нынешнее правительство было одобрено несколько раз поразительным согласием неизмеримого большинства наций.

«Г. Жюль Фавр говорит, что единственным его намерением было честно выразить его мысль о войне. Если Франция и правительство думают о войне так же, как он, то, как бы велико ни было его несогласие с правительством во внутренней политике, он будет энергически поддерживать правительство против внешних врагов».

Даже по этому искаженному извлечению видно, что Жюль Фавр говорил с самой едкой иронией. Даже «Монитёр» не сумел скрыть фразы о неестественности порядка, при котором Франция могла быть ввергнута в войну без согласия своих представителей. Требовать от правительства объяснений после того, как оно своим молчанием подтвердило слова Оливье, — требовать после этого новых объяснений и все-таки доказывать, что война, вероятно, будет введена для освобождения Италии и с тем вместе напоминать о римской экспедиции, — это значило горько смеяться. Наконец, резкое выражение об угнетении Франции при нынешней системе свидетельствует о такой смелости речи, какую редко позволяли себе ораторы и в палате депутатов при Луи-Филиппе. Как ни скрашивает «Монитёр» слова,

сказанные Жюлем Фавром в ответ на замечание Бароша, все-таки видно, что Барош и президент не могли заставить его взять назад свое выражение; и даже по изложению «Монитёра» видно, что заключение речи о согласии республиканцев с внешнею политикою правительства имело смысл сарказма.

Заклучим обзор фактов о впечатлениях, произведенных войною во Франции, письмом парижского корреспондента Times'a о действии, произведенном в Париже прокламациею императора французов.

«Прокламация императора французов, явившаяся вчера в «Монитёре», кажется публике слабым, но старательным подражанием прокламации первой империи. Она представляется такою близкою копиею всех этих манифестов, сначала производивших треск, а потом потерявших всякую эффективность, что есть люди, указывающие на нее как на свидетельство того, что в прежние времена было больше умственной свежести и оригинальности. Действительно, нынешняя прокламация вовсе не лестным для себя образом напоминает о бюллетенях и прокламациях генерала Бонапарте к его полуголодной и полунагой армии, устремлявшейся с альпийских снегов на плодоносные ломбардские долины; напоминает его «приказы» после Лоди, Арколе или Кампо-Формио, его адреса к французскому народу при выступлении в каждый новый поход. Один депутат из Бургони заметил, что нынешняя прокламация точно так же относится к тирадам Наполеона I, как стакан дешевого вина, разбавленного водою, к рюмке настоящего шамбертенского. Но попадаются люди, которые находят или, по крайней мере, говорят, что она очень красноречива. Об этом можете судить, как хотите, но она не прошла без замечаний со стороны людей, читающих ее на улицах. Они замечают с изумлением (хотя трудно сказать, на каком основании они изумляются), что она не упоминает ни о сенате, ни о законодательном корпусе, ни о государственном совете, — ни об одном из так называемых *grands corps de l'Etat*, «великих государственных учреждений», как будто бы они и не существовали в правительственном механизме, не имели в нем ни нравственного, ни материального, ни финансового значения. Упомянув об императрице и наследном принце, прокламация ввергает этих августейших особ принцу Иерониму, «брату первого императора», «храбрости войск, остающихся во Франции», национальной гвардии и вообще народу, но ни слова не говорит «Монитёр» ни о сенате, ни о депутатах.

«Министры также «блистают своим отсутствием» в этом торжественном адресе к французскому народу. Но это менее удивительно, если справедлив слух, что кабинет распался, что его члены увольняются в отставку или посылаются в армию с напутствием: «идите туда, где ждет вас слава». Действительно, говорят, что г. Валевский и г. Фульд желали сопровождать императора, — достоверно ли это, не умею сказать. Государственный министр и министр иностранных дел более всех членов кабинета надеялись и желали сохранения мира. Но с ироническою хитростью именно г. Фульд и г. Валевский были избраны для произнесения воинственных воззваний к сенату и депутатам. Это напоминало о «бесе-проповеднике» испанской комедии, в которой бес Люзбель⁷ принужден за наказание надеть костюм францисканского монаха и проповедовать в лукских церквах в защиту ордена, который он особенно ненавидел и которому особенно вредил. Старательность Люзбея, желающего поскорее кончить обязанность, ненавистную ему, отчаянные усилия его выдать свое уничтожение за усердие, принужденная горячность его проповеди, — все это было повторено на наших глазах. Потому вовсе не удивительно, что прокламация не упоминает о нынешних министрах, и холодность, с какою были приняты депутатами важные сообщения последних дней, может служить объяснением официальному молчанию о депутатах. Сенат, говорят, оказался удовлетворительнее в этом отношении. Сенат и в первой

французской империи был угодливее законодательного корпуса. Но не должно забывать, что в час несчастья Наполеон I именно на сенат изливал свои горчайшие сарказмы. К сенаторам он обращался с упреком за то, что они никогда не имели мужества сказать ему истину, без сопротивления и возражения принимали каждое его распоряжение, каждое его желание. Слова о «неисправимых людях старых партий, постоянно соединявшихся с врагами отечества», обращены на легитимистов и орлеанистов и составляют, надобно думать, лучшее средство приобрести их сочувствие.

«О том, выходят ли, остаются ли министры, публики, повидимому, мало заботится, — перемены интересны только для них самих и для желающих занять места отставленных. Из упоминания о принце Иерониме должно бы, кажется, следовать, что, по крайней мере, двое или трое из них должны быть отставлены. Друзья принца Иеронима говорят, что он мало верит в их преданность царствующей династии».

Прокламацию императора французов мы не приводим здесь, потому что она слишком известна читателю по газетам⁸. Но кому угодно вообще ближе познакомиться с характером и степенью правдивости военно-дипломатического красноречия, тот может прочесть две следующие прокламации австрийского главнокомандующего. Вот что говорил Гиулай жителям Ломбардо-Венецианских провинций, выступая в поход против Сардинии:

«Оскорбления, наносимые из пьемонтских владений императорской фамилии безумной партией, противной порядку и закону, и упорство, с которым она отвергает всякие слова миролюбия и примирения, истощили долготерпение нашего августейшего императора и государя и заставили его прибегнуть к силе оружия на победоносную защиту закона и справедливости.

«Волею нашего государя я назначен главнокомандующим армией, и гражданское управление Ломбардо-Венецианским королевством соединено в моих руках с военной властью на время войны с той минуты, как наши царственные орлы и наши славные знамена переходят за ломбардские границы.

«Энтузиазм, с которым ваши молодые люди стали в ряды императорской армии, добровольное усердие, с которым вы удовлетворили нуждам нашей храброй армии, чувство долга, одушевляющее вас, — все это служит для меня ручательством за сохранение тишины и общественного порядка, невзирая на все ухищрения революционной партии».

Конец прокламации, по выражению Гоголя, уже не так занимателен. Он говорит о том, что для ограждения ломбардцев, столь усердных к австрийскому императорскому дому, от злонамеренных людей оставляется в Ломбардии достаточное число войска. Эта заботливость об ограждении усердных ломбардцев от всякой беды со стороны ненавистных им коварных злоумышленников носит на себе характер высокой заботливости о благе Ломбардо-Венецианского королевства. Но скажите, возвышался ли когда-нибудь сам автор «Монте-Кристо» до такой восхитительной поэзии, какою проникнуты переведенные нами строки об уверенности Гиулая в энтузиазме, с которым ломбардские юноши бегут становиться под славными знаменами Австрии?..

Но, может быть, читателю интересно точнее узнать кроткие добродетели Гиулая, находящегося в столь чувствительных от-

ношениях к ломбардо-венецианцам. Отеческая любовь его к ломбардо-венецианцам достаточно характеризуется одним анекдотом. Однажды Гиулай заметил Радецкому, помощником которого был, что он слишком неосторожно ездит по миланским улицам, потому что какой-нибудь итальянский патриот может выстрелить в него. «Не бойтесь, — сказал Радецкий, — они в меня не будут стрелять: ведь они знают, что после моей смерти главнокомандующим сделаетесь вы».

Но не с одними ломбардцами Гиулай говорит совершенно по душе, с полной откровенностью и правдивостью. Столь же прекрасна и его другая прокламация, к сардинцам. Вы, читатель, быть может, полагаете, что только французы идут в Ломбардию освободителями, — вы совершенно ошибаетесь: австрийцы также идут в Сардинию за тем, чтобы освободить ее. Вы не знали этого; так вот же вам подлинная прокламация австрийского главнокомандующего.

«Пьемонтцы!

«Переходя ваши границы, мы направляем наше оружие не на вас.

«Наше оружие грозит партии беспорядка, которая слаба числом, но сильна своею дерзостью, и которая насильем своим угнетает вас, восстает против всякого миролюбивого слова и нарушает права других итальянских государств и Австрии.

«Если вы встретите императорских орлов без ненависти и сопротивления, они принесут вам порядок, тишину и умеренность; мирный гражданин может быть уверен, что свобода, честь, законы и собственность будут неприкосновенны и священы.

«Мое слово служит вам ручательством, что человеколюбие императорских войск нисколько не уступает их храбрости.

«Как выразитель великодушных намерений моего августейшего императора и государя, я, вступая на вашу землю, провозглашаю и повторяю вам обещание: наша война не есть война против народов и национальностей, но против дерзкой партии, которая под обманчивою маскою свободы лишила бы всех нас свободы, если бы бог нашего оружия не был бы и богом правосудия.

«Когда наши противники будут побеждены, когда порядок и мир будут восстановлены, вы, называющие нас ныне врагами, вы тогда назовете нас вашими освободителями и друзьями».

Наполеон III называет себя освободителем, и Гиулай называет себя также освободителем, — как разобрать, кто из них лучший друг свободы? Но этот вопрос нам нет никакой надобности решать. Мы только излагаем факты, да и то, как видит читатель, почти только чужими словами.

Не знаем, многие ли сардинцы поверили Гиулаю, но французским прокламациям верит множество итальянцев. Ближе всего должны быть знакомы с обещаемою свободою римляне, которые уже 10 лет пользуются правительством, находящимся под защитою французского войска и теперь снова ограждаемым от всякой опасности прокламациями и многими изустными и письменными уверениями французского правительства. Но римляне

вздумали было воображать, что они — итальянцы, и что так как французы пришли освободить всю Италию до самого Адриатического моря, то, следовательно, освобождение относится и к ним. Начало своему освобождению принялись полагать они очень идиллическое, именно, ограничились на первый раз тем, что раза два собрались под окнами генерала Гойона, командующего французским войском в Риме, и герцога Граммона, французского посланника в Риме, и кричали: «да здравствует император!», «да здравствует Франция!», «да здравствует Италия!» Намерения у них, как видим, не были слишком человекоубийственны или анархичны, но все-таки поступки их нарушали порядок, и потому генерал Гойон, вышедши на балкон, сказал народу, махавшему шляпами и платками в честь ему и Франции: «Прекрасно, прекрасно, но довольно, довольно!» После этих слов, столь же ясных, сколь кратких, генерал ушел с балкона, а кардинал Антонелли, тоже защитник свободы, прислал полицию, которая арестовала нескольких человек; а на другое утро в предупреждение дальнейших нарушений порядка и свободы явилась прокламация Гойона, которая менее чувствительна и возвышенна, чем все прокламации, занимавшие нас до сих пор, но в которой зато с похвальной ясностью изображены истинные качества итальянской свободы с точки зрения Гойона.

«Штаб-квартира.

«Рим. 26 апреля 1859 года».

«В городе произошли мирные, но публичные манифестации. Какова бы ни была наша симпатия к чувствам, ими выражаемым, но мы не можем допустить их возобновления. Всякая публичная манифестация, под каким бы знаменем и по какому бы побуждению ни происходила, нарушает порядок и следствием ее всегда бывают меры, печальные для тех, кого они постигают.

«Закон воспрещает всякие столкновения на улицах и повелевает, чтобы в случае нужды они были разгоняемы силою.

«Назначенный сюда по приказанию нашего императора, чтобы помогать достоцимому святейшему отцу облегчением его правительству способов сохранять порядок, я обязан, как командир вооруженной силы, наблюдать за соблюдением закона. Как бы ни прискорбна была эта обязанность, мы неукоснительно исполним ее при всяких обстоятельствах. Но я надюсь, что понятливость и благоразумие римского народа облегчат мне исполнение моего долга. Гойон».

В этой прокламации каждое слово дышит самую чистейшую правдою, тут нет ни тени притворства, генерал Гойон никого не хочет вводить в заблуждение, и из всех политических деятелей, о которых мы до сих пор говорили, он один обращается к своей публике с словами, вполне заслуживающими доверия. Его образ действий мы считаем наилучшим пояснением того, каковы будут для итальянцев результаты французских побед в Италии при нынешней системе.

Если бы нынешняя система французского правительства хотела допускать в Италии «беспорядки», в Риме и в Неаполе

давно бы произошли перевороты, подобные тому, какой совершился в Тоскане. Стоило бы французам сказать в Риме, что они не будут стрелять по народу, если он выразит свои чувства, и Рим давно низложил бы папу, и 25.000 римского войска пошли бы на усиление сардинско-французской армии. Стоило бы французам послать один батальон войска в Неаполь, и там была бы провозглашена конституция или было бы учреждено временное правительство, и 50.000 неаполитанцев пошли бы помогать сардинцам. По всей южной границе Ломбардо-Венецианских владений явились бы итальянские войска, восстание в несколько дней охватило бы эти владения; австрийские отряды, оставшиеся там, бежали бы в Мантую и Верону, а вступившая в Пьемонт армия, отрезанная от всех сообщений, должна [была] бы просто положить оружие. В две недели вся кампания была бы кончена; французам осталось бы только блокировать три-четыре крепости, и если бы Австрия не заключила мира, через месяц она не существовала бы, потому что и Вена, и Пешт, и Аграм, и Прага ждут только случая, чтобы рассчитаться с преемниками Виндишгреца за обманы и свирепости. Если бы император французоз хотел собственно того, чтобы освободить Италию от австрийцев, такая политика с его стороны была бы неизбежна. Но цель его совершенно не такова. Он хочет собственно того, чтобы увеличить свою военную славу, не допуская беспорядков в Италии. Потому Неаполь остается спокоен и Рим принужден оставаться спокойным, и только Флоренция, относительно которой французы не успели принять никаких мер, не была удержана от переворота.

С самого начала нынешнего года люди умеренной конституционной партии старались убедить австрийского эрц-герцога Леопольда II, царствовавшего в Тоскане, что если он хочет сохранить свой престол, ему необходимо сблизиться с Пьемонтом и провозгласить себя защитником итальянской независимости. Само собою разумеется, что он отвергал эти советы; он говорил, что величайшая уступка, на какую он может решиться, будет сохранение нейтралитета между Австриею и Пьемонтом. Неудовольствие в народе увеличилось, но Леопольд II был несколько лучше других итальянских государей, держащихся австрийской стороны, потому лично ему не угрожала никакая опасность со стороны народа, роптавшего только на его политику. Особенно опасным казался народу генерал Феррари, главнокомандующий тосканских войск, который прежде находился в австрийской службе и пропитался там антинациональным направлением. 24 апреля, когда во Флоренции получено было известие об австрийском ультиматуме, жители начали сильнее прежнего говорить, что стыдно было бы изменять национальному делу. В этот день (пасхальное воскресенье) хотели просить герцога, когда он пойдет из церкви во дворец, чтобы он оставил Феррари. Но потом стали говорить, что сам герцог увидит эту необходимость, и первый день пасхи

прошел без демонстраций. В понедельник разыгрывалась во Флоренции лотерея, на которую сходится множество народа из окрестностей, но спокойно прошел и этот день, хотя Феррари сделал поступок, как бы нарочно вызывавший к восстанию. Брат одного из офицеров тосканского войска отправлялся волонтером в Пьемонт; офицер поехал провожать брата в Ливорно и обнимал его при прощании. Феррари велел схватить этого офицера и заковать в цепи; но все другие офицеры объявили, что вооруженной силой освободят заключенного. Феррари освободил его и тем кончилось дело. Сами австрийцы признаются, что жители Тосканы держали себя с удивительным самоотвержением, все еще надеясь, что герцог поймет свои обязанности к Италии. 26 апреля срок австрийского ультиматума кончился; австрийцы готовились перейти Тичино, французы прибыли в Геную. Флорентинцы увидели, что невозможно более медлить. Офицеры и солдаты тосканской армии начали говорить, что не могут изменить отечеству и не захотят резать народ. На улицах показались трехцветные итальянские кокарды. Повсюду слышались крики «да здравствует Италия!» 27 апреля все улицы были наполнены народом, но особенно толпился он перед герцогским дворцом. В цитадели св. Георгия, господствующей над Флоренцией, еще с августа месяца хранился запечатанный конверт. 27 апреля, поутру в половине девятого, эрцгерцог Карл, сын Леопольда, отправился в цитадель, созвал офицеров, распечатал перед ними конверт и прочел содержащуюся в нем бумагу. Она заключала приказание бомбардировать Флоренцию, написанное генералом Феррари, с подробными распоряжениями о том, как производить бомбардировку. Эрцгерцог Карл спросил, много ли в крепости зарядов и сколько орудий может быть наведено на город. Комендант цитадели отвечал, что он и его товарищи готовы защищать великого герцога и его семейство, если б членам династии лично угрожала опасность, но не могут стрелять по народу за то, что он выказывает чувство национальности, разделять которое сама армия считает долгом чести. Герцог, убедившись, что армия не хочет начинать междоусобную войну и истреблять город, должен был отказаться от проекта бомбардировки. Жители Флоренции, собравшиеся на площади перед дворцом, послали к Леопольду депутацию, которая убеждала его, что единственным средством сохранить престол своей династии остается ему отречение в пользу старшего сына Фердинанда, которому народ еще может верить, между тем как самому герцогу никто уже не верит после событий 1849 года⁹. Герцог отвечал, что не откажется от власти, и послал за маркизом Лаятико, одним из главных людей умеренной национальной партии, чтобы поручить ему составление министерства в либеральном духе. Но, посоветовавшись с своими друзьями, маркиз отвечал, что необходимо отречение великого герцога в пользу старшего сына. Герцог и тут не

согласился, и стал готовиться к отъезду. Все это было 28-го числа поутру; около четырех часов герцог уехал с своим семейством. Толпы народа молча пропускали поезд, не произнося ни одного оскорбительного слова. В половине осьмого вечером муниципальное начальство города Флоренции обнародовало, что должно было принять на себя заботу об учреждении новой администрации по удалении герцога со всем семейством. Временное правительство, назначенное городским начальством, объявило, что Тоскана вверяет свою судьбу королю сардинскому, вручает ему диктаторскую власть на время войны и просит его прислать комиссара для управления делами. Сардинский король отвечал, что принимает на себя только заведывание военными делами для борьбы с австрийцами. Вооружения в Тоскане производятся очень деятельно, и она усиливает 15-тысячным корпусом сардинскую армию. Леопольд с своим семейством без всяких затруднений выехал за границу и теперь находится в Вене.

Часть герцогства Моденского, лежащего между Сардинией и Тосканой (Масса и Каррара), также последовала примеру Тосканы и присоединилась к Пьемонту в военном отношении. В остальной части Моденского герцогства народ должен был оставаться спокойным, потому что слишком близко находятся сильные австрийские отряды в ломбардских областях и в Ферраре. Приближение австрийцев восстановило власть герцогини Пармской, которая была принуждена дня на два удалиться из своих владений¹⁰.

В Неаполе продолжается тревожное ожидание потрясений, которые должны последовать за смертью Фердинанда II, лежащего теперь в медленной и мучительной агонии.

Таково было положение дел в Италии около 13 (1) мая. Война до сих пор сохраняла чисто политический характер; император французов решительно не хочет возбуждать революционных движений и, где может, как, например, в Риме, поддерживает существующий порядок против недовольных. Он не доверяет ни народному энтузиазму, ни волонтерам и до сих пор мог остаться верен своей мысли выставять только солдат против австрийских солдат. Если борьба будет сохранять такой характер, австрийцы могут очень долго тянуть ее, владея Вероною, Леньяно, Мантуею и Пескьерою. Четырехугольник, образуемый этими крепостями, из которых особенно сильны Верона и Мантуя, находится в самом центре их итальянских владений. Выбить их из него будет делом очень трудным, если и предположить, что они, потеряв несколько сражений, принуждены будут отступить до Минчио и Адидже в нынешний поход.

Если война продолжится более одного кратковременного похода, — в чем едва ли можно сомневаться, — то нет ей возможности не распространиться далеко за пределы Италии. Нейтральные державы при нынешней дипломатической системе по необхо-

димости будут с каждым месяцем ближе и ближе втягиваться в этот водоворот, пока он совершенно увлечет их. В Западной Европе важны в военном отношении только Пруссия с Германским союзом, который теперь совершенно подчиняется ее руководительству, и Англия.

О том, какую роль в войне будет играть Германия, едва ли надобно говорить. Она будет против Франции. Вопрос об этом только вопрос о времени и поводе открытия военных действий. И Пруссия, и все второстепенные державы Германского союза уже приготовили свои войска к выступлению в поход, — разумеется, не против Австрии. Германия может выставить на Рейн 500.000 войска, кроме гарнизонов, которые останутся в крепостях по западной границе.

Гораздо сложнее вопрос о войне в Англии, но самым кратким образом можно определить намерения Англии двумя словами: она чрезвычайно желала бы сохранить нейтралитет, но предчувствует, что должна будет взяться за оружие для собственной защиты, и в таком случае будет вести войну самым энергическим образом. Эти две черты вопроса очень живо и полно выражены в речах, которые Брайт и Робек сказали на выборах своим избирателям. Брайт выставляет первую черту нынешнего английского взгляда на войну — гибельность войны, желание сохранить мир, если бы это было возможно, проклинает тех, кто заставит Англию взяться за оружие. Робек говорит о том, что, как бы то ни было, война неизбежна, и когда она начнется, Англия страшно накажет тех, кто нарушил ее спокойствие. Мы помещаем в приложении эти замечательные речи.

Но вот коротенький отчет из Times'a об успехе митинга, который был создан в Гайд-Парке одним из немногих простодушных и доверчивых людей, воображающих, что война начата для освобождения Италии. Читатель увидит из этих строк, какой успех имеют подобные мысли в Англии.

«Вчера вечером многочисленный митинг был собран в Гайд-Парке с целью предложить адрес к императору Наполеону для выражения симпатии императору за образ действий, принятый им в итальянских делах. Этот митинг был созван доктором Уэббом, который и председательствовал. Председатель, открывая совещание, сказал, что он — один из самых старинных радикалов в королевстве. Изложив митингу причину, по которой он созван, доктор Уэбб прочел адрес императору, выразивший одобрение ему за образ действий, принятый им для освобождения итальянцев от австрийского тиранства. Мистер Ментель (один из главных людей радикальной партии в Лондоне) сказал тогда речь, объяснявшую, что он не верит императору французам, [потому что император французам всегда поступал очень дурно, — he was a great rascal (аплодисменты)]. Император Наполеон — эгоист в своей политике, was a political burdlar. Он — центр ужасной (infamous) картины, багрянеющей кровавыми красками]. Потом мистер Ментель предложил поправку, осуждающую адрес доктора Уэбба к императору. Поправка была положена на голоса и принята единодушно, а предложение доктора Уэбба послать адрес к императору французам было отвергнуто».

Мысль о том, что, при желании сохранить мир, Англия вынуждена будет воевать против Франции, давно замечалась в английских государственных людях всех партий, — тори, вигов и радикалов, Дерби, Пальмерстона и Робека, — и высказывалась газетами, которые в результате всегда остаются руководительницами событий; но с особенною силою вспыхнула эта мысль при слухе о союзе между Россиею и Францией. Никакие уверения министров в том, что слухи о русско-французском союзе неосновательны, не помогли делу. Англичане остались при мысли, что Франция задумывает напасть на Англию, отнять у нее владычество на морях и ищет или уже нашла союзников. Эта мысль имеет решительное влияние на их расположение. Давно уже производились вооружения, теперь они приняли гигантский размер, перед которым ничтожны кажутся все вооружения, сделанные в Крымскую войну.

Начались уже и дипломатические столкновения с Франциею, предшествующие войне. Из них особенно замечательна протестация англичан против перехода французских войск через Савойские Альпы. По трактатам 1815 года австрийские владения в Италии были увеличены собственно с той целью, чтобы Австрия вместе с Пьемонтом служила оплотом против попыток Франции к новому завоеванию Италии. Чтобы еще больше укрепить оборону, было постановлено, что часть Савойи, служившая в то время обыкновенным путем из Франции в Италию, при всяких войнах должна оставаться нейтральною, и охранение ее нейтралитета было поручено Швейцарии. Когда разнеслись слухи о намерении французов идти через Савойю, Швейцария встревожилась и потребовала объяснений у французского правительства. Но против Швейцарии Франция действительно не имеет пока никаких замыслов, и потому Швейцария могла получить объяснение, совершенно успокоившее ее. Все недоразумения были уже устранены, когда французские войска пошли через Савойю, и притом шли они по таким частям этой области, которые Швейцария признала не входящими в границу нейтральности; итак, она не имеет ни малейшей претензии на движения французских войск через Савойю. После этого казалось бы, что Англии еще гораздо менее надобности вмешиваться в это дело; однако же она протестовала против перехода французских войск через Савойю, как против нарушения нейтральной земли. Этот факт очень важен: он показывает, что Англия уже приискивает причины к объявлению войны при первом случае, когда ей покажется, что пора предупредить опасность, которая, как убеждены англичане, грозит им.

Император французов замечает, как сильно недоверие Англии к его намерениям, и употребляет все усилия, чтобы восстановить доброе согласие с ней. Мы не будем перечислять всех маленьких и больших любезностей, которые он оказывает ей с этою целью, — от приказания освободить от карантинных формально-

стей какого-нибудь англичанина, спешащего через Францию воротиться домой с Востока, до назначения посланником в Лондон Персиньи, который считается в Англии самым жарким приверженцем англо-французской дружбы. Заметим только, что в Тюильри опять начали осыпать похвалами лорда Пальмерстона, которого недавно так бранили, и говорить, что когда он сделается министром, разрыв между Англиею и Франциею будет невозможен.

Говорить таким образом, предполагать, что иностранная политика Пальмерстона отличалась бы от политики Дерби и Мальмсбери чем-нибудь, кроме разве большей твердости, значит не понимать, что тори и виги расходятся между собою только по вопросам внутренней политики, а в иностранной политике держатся совершенно одинаковых начал. Если бы лорд Пальмерстон заменил лорда Мальмсбери, иностранная политика Англии ни мало не изменилась бы.

Но падет ли торийское министерство, заменится ли министерством Росселя и Пальмерстона? Это попрежнему зависит от того, как почтут нужным действовать радикалы в новом парламенте, который соберется 31 мая. В прошедший раз мы довели рассказ о внутренних событиях английской истории до последних дней прений о втором чтении билля парламентской реформы. Мы говорили, какими комбинациями и обстоятельствами было решено поражение торийского министерства в прошедшем парламенте и какими надеждами было обмануто министерство, поставившее вопрос так круто, что не могло избежать распущения парламента, потерпев поражение. Нам остается представить рассказ о том заседании, которым была решена судьба министерства и парламента. Это заседание было исполнено интереса, и мы переводим письмо лондонского корреспондента газеты Manchester Guardian, любопытное и в том отношении, что читатель довольно подробно может познакомиться из него с некоторыми обычаями английского парламента.

«Палата ожидала замечательной речи от мистера д'Израэли и не ошиблась. Сначала он говорил о технической стороне вопроса, излагал свой билль и защищал его. Палата постепенно наполнялась. Герцог Кэмбриджский, граф Карлэйль и многие другие пэры явились в зале, а между тем оратор начинал говорить о личных вопросах и одушевлялся страстью. Вот он извергает громы на своих противников сильным, отдающимся по всей зале голосом; вот голос его обращается в звучный шопот, достойный мистрисс Сидлонс в роли лэди Макбет. Когда он говорит об услугах, оказанных стране министерством лорда Дерби, его голос дрожит от волнения. Тут он складывает на груди руки и говорит глухим, сдержанным тоном человека, решившегося подавлять свое волнение и негодование, как Отелло перед сенатом. И вдруг с театральным порывом он протягивает руку, указывает на лорда Росселя и громким голосом, с бурными жестами, будто Цицерон, обвиняющий Катилину, объявляет, как человек и как министр, что образ действий благородного лорда производит вредное влияние на государственные дела. Все эти жесты и быстрые переходы от forte к pianissimo, эти заученные модуляции, трагические пере-

ливы голоса, различные позитуры были до того театральны, что не производили должного впечатления. В них не было натуральности. На сцене был замечательный актер, владевший всем, кроме верховного искусства скрывать искусственность. Однако же речь достопочтенного джентльмена перерывали довольно мало, хотя большинство слушателей не соглашалось с многими из его слов и хотя зрелище такого человека, как мистер д'Израэли, рыдающего с замираниями голоса о чем бы то ни было, напоминало зрителям не столько о трагедии, сколько о балаганном фарсе. С ловкою деликатностью показав своим слушателям, что распушение парламента будет следствием противного министерству решения, он сел среди криков одобрения, производимых энтузиазмом 300 джентльменов с голосами, развитыми псовою охотою*.

«Президент предлагает вопрос. Герцог Кэмбриджский и другие пэры позорно изгоняются из палаты. Песочные часы переворачиваются, колокола по зданию звонят с неистовым усердием и депутаты устремляются в залу**.

«Президент провозглашает «молчание», и герольдмейстер палаты затворяет двери, и каждый член, находящийся в зале, уже пойман и должен подать голос, а каждый член, оставленный за запертою дверью, должен писать к своим избирателям об несчастном случае, по которому он опоздал минутою к подаче голосов. Депутаты толпятся у решетки своих мест, как рой пчел, а в галлерее зрители набиты, как сельди. Президент предлагает вопрос, столь мало понятный публике: «чтобы слова, предложенные к выпущению, остались в вопросе»***. Джентльмены с высокими грудями и псово-охот-

* Читатель знает, что псовая охота служит любимым наслаждением сельских сквайров, составляющих главную опору торийской партии.

** В английском парламенте более, нежели в каком-нибудь другом, находится членов, которые не охотники слушать речей, и пока ораторы аргументируют, они прохаживаются по коридорам, рассуждая о разных предметах, или сидят в библиотеке и других комнатах здания, занимаясь своими делами, а в залу собраний являються только к тому времени, когда нужно подавать голоса. Чтобы дать им время собраться, оставляется несколько минут между предложением вопроса и подачею голосов. О предложении вопроса дается весть по всему зданию звоном колокольчика, а промежуток времени измеряется песочными часами. Когда этот срок кончился, затворяются двери, ведущие от депутатских мест в коридоры.

*** Техника, по которой предлагаются в английском парламенте вопросы, довольно многосложна, так что во многих случаях большинство английской публики не поняло бы, в чем дело и почему оно ведется таким порядком, если бы газеты не переводили эту технику на вразумительный язык. Теперь дело шло следующим порядком: прения начались по предложению д'Израэли прочесть во второй раз билль; по парламентской форме это выражается следующими словами: канцлер казначейства предлагает, «чтобы билль был прочитан во второй раз в палате». Это составляет основной вопрос прений, и по нем направляется ход подачи голосов. Лорд Россель предлагает вместо этого свое решение, смысл которого тот, что билль министерства неудовлетворителен. На техническом языке это выражается так: «депутат лондонской Сити предлагает палате выпустить в предложении все слова, стоящие после чтобы, и заменить их следующими словами...» Итак, прежде всего палата должна решить, выпустить ли из основного вопроса все слова, после чтобы. Если она решит, что их должно выпустить, тогда она должна будет решать, постановить ли на место слов, предложенных д'Израэли и уже отброшенных, слова, предлагаемые Росселем. Ясно, что в настоящем случае эта вторая подача голосов будет иметь только формальное значение, потому что желать выпущения слов д'Израэли могли только те, которые хотели заменить их словами Росселя. Итак, существенную важность имела в настоящем случае только первая подача голосов о решении, «чтобы слова, предложенные к выпущению, остались в вопросе», т. е. о том, удерживается ли основное предложение д'Израэли «прочесть билль во второй раз» или отвергается.

ничными голосами воззываются обыкновенною формою: «Вы, говорящие «да» — говорите «да!» Они не просто говорят «да», они режут его, рычат его. Президент говорит:

«Вы, говорящие «нет», — говорите «нет!» Если бы 330 подполковников с голосами Стентора скомандовали «пли!» — взрыв крика не мог бы быть сильнее. Самый тонкий слух затруднился бы решить, в котором ответе крик был громче. Президент, быть может, подозревая, на чьей стороне большинство, сказал: «Мне кажется, большинство на стороне «нет». В ответ раздалась обычная фраза с громовым криком: «большинство на стороне «да». Тогда президент сказал: «да» идут направо, «нет» идут налево. Считать «да» будут мистеры... конец фразы был заглушен шумом и хаосом*.

«Собрание разделилось на два медленные потока, устремившиеся в противоположные стороны. Медленно шли слабые, больные, дряхлые члены, принесенные с постелей в палату по холодному ночному туману, сменившему бурю с снегом, бывшую в тот вечер. Тихо шли они, рассуждая о речи Диззи**, о заслоняющем собою все другие заботы распухший парламента и о большинстве в пользу лорда Джона. Медленно проходил каждый перед секретарем и счетчиками, потому что спереди и сзади задерживала его толпа; сосредоточенна и важна была внимательность господ счетчиков при исполнении их обязанности в таком важном случае. Воротясь в палату, «да» образовали почти непроходимую толпу у решетки, а «нет» столпидись около кресла президента. Каждый с болезненным нетерпением ждет результата. Наконец, два джентльмена проходят через толпу, стоявшую у решетки; один из них, сэр Уильям Джолифф, счетчик «да», подходит к президенту, шепчет ему число «да» и потом возвращается к своему предводителю. Лицо Диззи бесстрастно; но сэр Уильям не достигал совершенства в этой школе. «Мысли его можно прочесть на лице его», по словам поэта. Лицо его печально, и мы видим, что он считает своих побежденными. Он знает число только своей залы, но по беспримерному многолюдству присутствовавших депутатов, он полагает, что в заседании было больше 600 членов, а он не насчитал в своей зале и половины этого числа. Бедный сэр Уильям, он убит духом и не может скрыть этого! Вот понемногу пробиваются чрез толпу своих счетчики противной стороны и шепчут секретарю. Секретарь пишет и передает бумагу собиравшему депутатов оппозиции***. Правительство побито. Поднимается страшный гул в палате. Тс, тише... объявляются цифры. «Да», на правой стороне — 294, «нет», на левой стороне — 330. Раздаются аплодисменты та-

* Первый способ подачи голосов в английском парламенте состоит в том, что президент просит согласных с предложением сказать «да», потом несогласных сказать «нет»; судя по силе звука, он говорит потом, на которой стороне большинство голосов. Если сторона, которую он объявляет меньшинством, сомневается в верности его догадки или просто хочет, чтобы известны были в точности силы ее и силы ее противников, она протестует, и тогда президент назначает подачу голосов «разделением» (division). Тогда депутаты, принимающие предложение, выходят из залы заседаний в боковую залу на одну сторону, депутаты, отвергающие предложение — в боковую залу на противоположной стороне. На той и другой стороне бывает по два счетчика (tellers); они записывают имена, пересчитывают их и подают списки президенту.

** Фамильярное прозвище вместо д'Израэли; Пальмерстона фамильярно зовут Пам; лорда Джона Росселя — Джонни.

*** Whipper-in. И министерская партия, и оппозиция имеют по одному такому члену, специальная обязанность которого состоит в том, чтобы всячески заботиться собирать как можно более депутатов своей стороны в те заседания, когда решаются важные дела. Он рассылает циркуляры с просьбами непременно явиться в палату такого-то числа, ездит к ленивым, ободряет больных и тому подобное. Какая энергия нужна для его занятий, обозначается его именем Whipper-in, которое буквально надобно было бы перевести «человек, загоняющий плетью».

кие, как будто бы 330 подполковников пожалованы кавалерами Бани и получили крымскую медаль из рук ее величества¹¹.

«Тишина отчасти восстановлена, и президент предлагает подачу голосов о решении лорда Росселя. Поднимается мистер Уильд, продавец ландкарт, имеющий магазин на Черинг-Кроссе, — у него есть поправка в пользу баллотировки. Начинается сцена крика и смятения, одна из тех сцен, какие едва ли можно видеть где-нибудь, кроме палаты общин, — сцена, которая возбудила бы в нас насмешку или даже презрение, если бы мы прочли, что она происходила в конгрессе Северо-Американских Штатов. Среди страшного вопля можно расслышать крики: «прочь, прочь! на голоса, на голоса!» Несколькими минут палата хохотала, когда мистер Генри Беркли, очевидно, по совету лорда Джона Росселя, встает требовать себе некоторой опеки над вопросом о баллотировке в палате и представляет, что мистер Уильд повредит этому вопросу, требуя подачи голосов о нем несвоевременным образом, в такую минуту, когда палата нетерпеливо хочет подавать голоса о предложении лорда Росселя и пожать плоды победы. Но шум и смятение увеличиваются; достопочтенный депутат Бристоля (Беркли), ощущая, что его убеждения не могут быть в одно время слышны стенографам и достопочтенному депутату города Бодмина (Уильду), сидящему позади его, обращается задом к президенту, лицом к нему и ораторствует перед достопочтенным джентльменом с замечательною энергиею жестикуляции, при хохоте палаты, которая не может расслышать ни слова. Мистер Мильнер Джибсон является помощником мистеру Беркли*.

«Бедный мистер Уильд представлял в эту минуту комическую картину: он сидел угрюмый, озлобленный, упорный, но не совсем довольный собой. Мистер Брайт, сидевший прямо впереди него, обернулся назад и, кажется, испытывал над ним силу интимных убеждений. Лок Кинг и другие крайние либералы подошли к мистеру Уильду и тоже упрашивали его взять назад свое предложение; но он сидел неподвижно, и страшен был шум и гвалт. Мильнер Джибсон объявил, что уйдет из залы, не подав голоса, если достопочтенный член не отступится от требования подачи голосов о баллотировке.

«Тогда встал мистер Кле и, засунув палец за верхнюю пуговицу жилета, в величественной позе ожидал, пока пронесется крик недовольства, приветствовавший его появление, как проносится по ниве дыхание ветра. Он сказал: «Сэр (крики неудовольствия, на время которых умолкает достопочтенный джентльмен), я думаю (новые крики неудовольствия и новая пауза), я думаю (новые крики, идущие crescendo)». Нет возможности продолжать. Достопочтенный джентльмен, покидая свою ораторскую позитуру, скороговоркою предлагает отсрочить прение. Встает сэр Джон Шелли, и подполковников с голосом Стенгора оказывается слишком 500. Таких громких криков «не нужно» редко удается слышать.

«Буря достигла страшной силы. Может ли лорд Джон укротить ее? Он делает попытку, встает и усиливается сказать что-то палате. Глухой мог бы

* Уильд, очевидно, один из людей, одержимых ревностью не по разуму: из усердия к баллотировке он своею поправкою едва не погубил самого предложения лорда Росселя и едва не спас министерства. В прошлой палате большинство было против баллотировки, и заставить подавать голоса о ней, значило заставить многих либералов подать голос вместе с министерскою партией. Беркли — президент общества, требующего введения баллотировки при выборах, и в парламенте имеет роль представителя своей партии (независимых вигов и радикалов) по этому вопросу. Мильнер Джибсон, как известно читателю, один из самых замечательных реформеров, потому и он старается спасти свою партию от нелепой выходки Уильда. Голоса, требовавшие подачи голосов о предложении Уильда, конечно, принадлежали торийским депутатам, — они надеялись, что поражение баллотировки заставит многих либералов упасть духом и вообще расстроит ряды их противников.

быть тут наилучшим стенографом. Все видят, что губы благородного лорда движутся, что он жестикулирует, но этой пантомимой ограничивается все доступное чувствам зрителей. Когда увидели, что нельзя отвлечь подачи голосов, мистер Брайт, мистер Беркли и другие друзья баллотировки встают и идут из залы, но и тут несчастная судьба преследует их: песочные часы бегут и последняя песчинка упала, а далеко еще не вся толпа ретирующихся депутатов успела скрыться из залы. Депутаты нетерпеливо кричат: «время кончилось», и президент был принужден дать знак к закрытию дверей. Со времени битвы под Ватерлоо, когда покойный сэр Джемс Макдональд с другим храбрым воином железной силы руками вытолкнули за ворота Гугумонского замка французов и заперли за ними ворота, не бывало примеров такого сильного мужества, какое было выказано герольдмейстером по команде президента: «затворите и закройте двери!» Толпа депутатов стремилась в залу, толпа депутатов стремилась из залы, когда герольдмейстер, схватившись за дверь, разрезал пополам этот сонм, и осталась в зале половина хотевших выйти и не попала в залу половина хотевших войти*.

Подаются голоса о предложении мистера Уильда. «Вы, говорящие «да», говорите «да!» Слаб ответ. «Вы, говорящие «нет», говорите «нет!» Не наполнилась ли палата волами васанскими?¹² — иначе как бы мог подняться такой рев? Разумеется, предложение мистера Уильда отвергнуто; отворяются двери, и толпа врывается снова в залу. Опять неистово звонят колокола, и члены спешат, толкая друг друга, чтобы не остаться запертыми в коридорах при подаче голосов о решении лорда Росселя. Президент говорит: «мне кажется, большинство на стороне «да». 50 недоброльных тори возражают: «большинство на стороне «нет»**. Президент отражает атаку. «Мне кажется, большинство на стороне «да». Дело становится серьезным, министры обращаются и бросают умоляющие взгляды на своих приверженцев. На этот раз только 25 голосов восклицают: «большинство на стороне «нет!» — «Мне кажется, большинство на стороне «да», говорит президент в третий раз. Молчание такое, что слышен был бы полет мухи. Президент говорит: «Большинство на стороне «да». Поправка лорда Росселя, о которой шли такие долгие, упорные споры, торжественно принята палатою, и каждый посматривает на

* Приверженцы баллотировки, зная, что не будут иметь большинства, поспешили из залы за тем, чтобы иметь право сказать: мы не участвовали в подаче голосов, потому что она была несвоевременна; и чтобы можно было им возобновить вопрос в другой раз, когда они успеют расположить в пользу баллотировки колеблющихся депутатов. Так действительно и сделал Беркли. В одно из следующих заседаний он выбрал такую благоприятную минуту, что баллотировка была отвергнута только большинством трех голосов. Такое слабое меньшинство против баллотировки Беркли справедливо назвал великим успехом своего дела.

** Прежде предлагается вопрос, оставить ли в предложении д'Израэли слова, против которых предложена поправка Росселем; тори должны были отвечать «да», т. е. оставить слова д'Израэли. Большинство решило, что их должно выпустить. Теперь спрашивается, внести ли в решение слова, предложенные Росселем, и тори должны отвечать «нет». Но сущность дела, как мы говорили, уже решена первою подачею голосов; очевидно, большинство будет на стороне Росселя и в этом вопросе, потому выгода тори требует уже не доводить дела до подачи голосов разделением: если бы сосчитать голоса, то оказалось бы, что большинство усилилось после первой победы присоединением колебавшихся членов прежнего меньшинства. И в английском парламенте, как повсюду, есть люди, которые всегда присоединяются к победителям, хотя бы прежде и восставали против них. Парламентская тактика требовала от торийской партии маскировать то, что она теперь не может иметь и тех 291 голоса, которые были на ее стороне в начале заседания. Но как Уильд едва не погубил либералов излишним усердием, так между тори явились теперь такие же вредные речители.

канцлера казначейства. Среди многозначительного молчания он предлагает отсрочить заседание до понедельника, и те депутаты, которые не раздавлены каретами, в бесчисленном множестве движущимися у подъезда, пошли домой, глубоко размышляя и весело болтая о занимательных эпизодах заседания».

Мы говорили, что торийское министерство, потерпев поражение, решилось распустить парламент, надеясь, что общественное мнение не захочет видеть министерский кризис накануне войны и что в новом парламенте тори получат большинство. Кроме нерасположения англичан менять министров во время войны или приготовлений к войне, тори надеялись на благоприятный исход выборов потому, что ожидали помощи себе от всех тех маленьких местечек, у которых парламентская реформа должна отнять представителей. Для множества таких местечек выборы служат просто источником дохода, и тори надеялись, что любовь к собственному карману заставит многие из них, прежде бывшие за вигов, заменить прежних депутатов своих торийскими депутатами, которые будут защищать прежние злоупотребления. Но еще больше, нежели на благоприятное расположение этих городков, тори надеялись на прямую покупку их избирателей. Тотчас же, как решено было распустить парламент, торийские богачи собрались, чтобы составить подписку «на покрытие издержек по выборам», то есть на покупку маленьких городов. В несколько минут подписка дошла до 100.000 фунтов, — гораздо более полумиллиона руб. сер. Подкупы были возведены при нынешних выборах торийскою партией до размеров неслыханных, колоссальных. Мы в приложении переводим из Times'a несколько статей, которые дадут читателю понятие о великости скандала и впечатлении, произведенном на английское общество этим наглым бесстыдством.

Но результаты выборов не совсем отвечали огромности средств, употребленных на подкуп. Тори все-таки не успели приобрести большинства в новом парламенте, — напротив, либеральные партии имеют в новом парламенте большинство от 60 до 70 голосов. Сколько можно судить по нынешним известиям о характере либеральной половины палаты общин, чистых вигов, безусловно идущих за Росселем или Пальмерстоном, будет в ней несколько меньше, нежели в прежней палате, всего около 220 человек, а радикалов, независимых либералов и манчестерцев, группирующихся около Брайта и Робека, несколько больше прежнего, всего около 150 человек. Тори будут иметь около 280 голосов. Эти цифры еще не совсем точны, потому что до сих пор подробные расчеты сделаны только по общему распределению голосов между министерством и оппозициею всех оттенков вместе. Но, во всяком случае, ясно, что ход дел в палате общин будет попрежнему зависеть от тактики Брайта и Робака с тою только разницею, что в новом парламенте их прямое влияние будет несколько сильнее прежнего. Падет ли министерство Дерби или нет, это главным образом будет зависеть от них.